

25-го июня 1928 г.
ПРАГА

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

14

14

ВИЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

25-го червня 1928 р.
ПРАНА

О Г Л А В Л Е Н И Е.

1. Борис Кундрюцков: Жар-Птица. Стих.).
2. Его-же: * * Стихи.
3. Вл. Куртин: Тифозный барак. (Окончание).
4. С. Савицкий: Гей, Кубанські Козаки! (Стих.).
5. О. Олесь: * * Стихи.
6. Любовь Самсонова: * * Стихи.
7. Гнат Макуха: До козаків. (Стихи).
8. Наши предпосылки в прошлом.
9. Д-р Евгения Балабас: К девятой годовщине трагической смерти Н. С. Рябовола.
10. Ис. Быкадоров: Качество или количество.
11. Д-р С. Федоров: Переяславский договор 1654 г. и Донские статьи 1671 года. (Окончание).
12. Мих Минаев: Очерки по истории аграрного законодательства в Земле Войска Донского.
13. Печать о Вольном Казачестве.
14. Думы и мысли казачьи.
15. Международная жизнь.
16. В. С. С. С. Р.
17. Казачья эмиграция.
18. На Украине.
19. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Брно. — И. Д. — Листа В. одержали. На жаль вірш слабій. Пришліть ще — побачимо, може що й пригодиться. Вітаємо Вас!

Болгария — Хасково. — П. Д. — Добре, друже, пишете. Дякуємо. Воно веселіше й працювати, коли знаєш, що праця не гине даремно. Ви пишете: „Я в йому („В. К.“) дуже багато рідного знайшов, знайшов те, що так близько торкається до козака, знайшов про наш край козачий, про наші рідні станиці. Покоштувавши чужого борщу за кардоном, я узнав, що краще нашого Кубанського борщу, у своїй рідній хаті, немає нігде. Усього не могу zarazом сказати, скажу тільки, що „Вільне Козацтво“ дуже гарне діло, бо воно нам рідне і миле, і близьке до нашого козачого серця“... — Ну, що ж, коли так, то ставаймо до гурту! Наше діло зробимо тоді лише, коли будемо всі в гурті. Гуртуймося!

Болгария. — Атаману Пловдивської казачьей станиці А. В. — Ваша просьба буде исполнена.

Болгария. — София. В. — Вы пишете: „С появлением на свет №1, свободно мыслящего и открыто говорящего нашим родным казачьим словом, журнала „Вольное Казачество“ я прочитывал его с жадностью и с трепетом сердца разбирал каждую строку по строке и слово по слову и радовался, что все таки нашлись у нас казаки, которые стали заботиться о казачьих вольностях былых и казачьем домишке и, наконец то, казаки бросили покладать свои силы и энергию в бесполезный для казаков дом пьяной и развратной мачихи! Давно бы нужно было взяться строить свой братский казачий домик, в котором лучше и свободнее, вне всякого сомнения, будет жить и должно!..

Журнал прочитывается, как будто бы с'едається с крышками! Много читателей, а журнала не хватает. — Знаем и верим, что в казачьих головах найдется разум вновь возобновить „свой казачий домик!“ Знаем и верим, что лишь Московская старшинская партия может мыслить воздвигать Московское царство и вести на убой казаков за чужие интересы! Казакам эти интересы не нужны — казакам нужна своя Казачья Земля, свободная и независимая, свое Государство! Не будут трогать казаков в их Землях, — казаки не будут никого затрагивать! Казакам нужна свободная жизнь в свободной стране — Казачьей Земле!

Далмация. — В. К. — Письмо Ваше получено. Просьба исполнена, поскольку было возможно. Послано тоже и письмо. Искренний привет! Пишите.

Италия. — Верона. — Г. — Получено. Что можно сделано. Ждем дальнейших сообщений. Казачий поклон Вам.

Канада. — Онтарио. — А. Б. — Вы пишете: „Дорогие братья, сыны Тихого седого Батюшки Дона, Многоводной и Раздольной Кубани и Мутного Терека. Из далекой чужбины, через бурный красавец Атлантик шлю вам братский привет и добрые пожелания! — В свою очередь шлем вам свой казачий привет и наилучшие пожелания. Рады что „журнал является для Вас весьма важным и ценным“. Пришла пора заботиться и думать казакам о казаках! Благодарим за память! Первое будет сделано в кратчайший срок, второе — по получении.

Польша. — Браньск. — В. П. — Письмо получено. Очень рады, что хорошо устроились. Подумайте теперь, что у вас есть еще коллеги, которые тоже хотят устроиться на работу. Ждем соотв. писем. Привет Вам и панові Я. Добре, що не забуває своїх. Колись ще побачимось.

Польша. — Топчево — В. — Будет.

Румыния. — Клуж. — Е. — Ваши очень интересные Казачеству сообщения получены. Результаты почтой.

Чехия. — Братислава. — К. — Получено.

Чехия. — У. Н. О. 9. — В. К. — Послано.

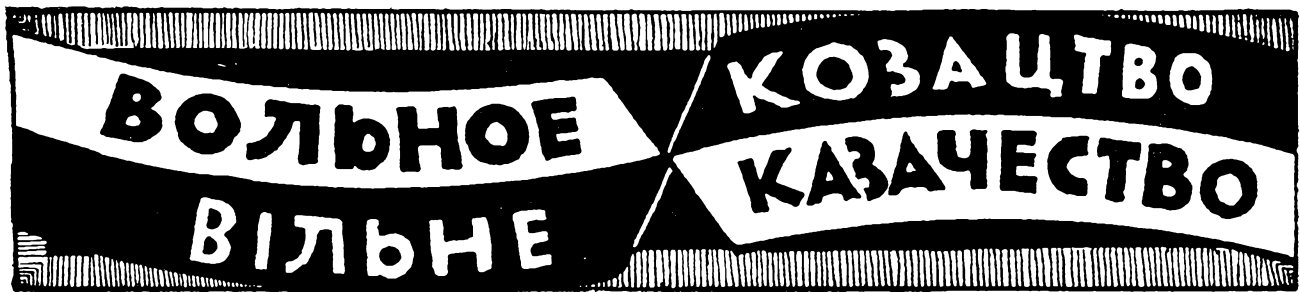
Швейцария. — Женев. — М. — М. — Получено.

Югославия. — Гн. М. — Листі одержані Побажання Ваші заслугують уваги, що можна буде — зробимо. Дай, Боже, Вам здоров'я!

Югославия. — Атаману Скоплянської Общеказачьей Станицы. — Казачий разум выведет Казачество на свою казачью дорогу... Все будет сделано.

Югославия. — Г. В. — Вы пишете: „Одна боль у казаков — отстранить мутные валы, которые все желают надвинуть на все вольное казачество!“ — „Мутные валы“ от казачества могут отстранить только сами казаки! Единым и сильным фронтом все казаки должны стать за все вольное Казачество! Пора перестать бить поклоны Москве и ползать на поклоны! Пришла пора стать казакам за Казачество!

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Выходит 10-го и 25-го числа каждого месяца.

Под редакцией И. А. Билого и М. Ф. Фролова.

Год издания второй.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 14.

Прага, понедельник 25-го июня 1928 г.

№ 14.

Борис Кундюков.

(Югославия).

ЖАР - ПТИЦА.

Прячем средь курганов
Золотистый дар —
Дар — перо от птицы —
Птицы имя — Жар.

Гей, в степи широкой
Кто богатыри?
Вам страшны ли гневом
Жалкие цари?!

Нам ли ночь-папаху
С головы сорвут,
Нам ли панихиды
Ветры отпоят?

То-ль мы не знакомы
С мягкими людьми?
И не нам ли ноги
Рвали лошадьми?!

Золотом не купите —
Мы зажгли пожар!
Есть перо от птицы —
Имя птицы — Жар!..

* * *

И одна у меня думушка
осталась,
На одно мое сердечко
отозвалось —
А одно то заветное
пусть скажется,
Пусть станичникам заветное
расскажется.
А о степушке та думушка
живет,
И за степь казак пойдет лишь
и умрет!
Что-ж, казаченьки, родная
сторона
Картузами все мужицкими
полна —
Не пора-ли бросить нам „одними“
жить,
Не пора-ли Дону-батюшке
служить.
Год за годом протекает, как
вода,
Умираем и седеет
борода.
Не подняться-ль нам, тряхнувши
стариной,
Да расстаться — с чуже-дальней
стороной!

Вл. Куртин.

Тифозный барак.

(Окончание)*.

— Слава Богу, наконец-то вы пришли в себя, —
говорит сестра, подсовывая мне подмышку термометр,
— семнадцать дней были без памяти, никогда не ду-
мала, что живы останетесь...

*) См. № 13 журнала.

Медленно проплывают в мозгу эти слова и еще
медленнее уясняю я их значение.

— Пришел в себя... что значит: пришел в себя?..
Чувствую невероятную слабость во всем теле. Точ-
но не мое оно стало. И я сам, точно подмененный.
Тихий какой-то и маленький. Будто свернулся в самом

себе. Или точно затаил внутри что то нежное и слабое. И боюсь неосторожным или резким движением погубить его. Весь я точно робкое пламя лампы, могущее светить только в тихом, недвижимом воздухе.

День попрежнему серый, тусклый. В окно вижу цепь далеких гор, покрытых снегом и в первый раз задаю себе вопрос — что это за горы? Но уже в следующий момент это меня не интересует нисколько.

В бараке уже нет той тишины, что стояла здесь в первые дни. Сейчас барак полон стонов, ругательств, бессмысленных выкриков бредящих больных. Но еще не вижу никого. И не хочу видеть. Полное равнодушие ко всему, что вне меня. Бессознательно прислушиваюсь ко всему, что творится в бараке, улавливая хлюпанье дождя за стеною, бормотанье бредящих, шопот сестры, но все это не затрагивает, не интересует меня, проходит мною неосознанное.

Сильно болит голова, но как-то по новому, непривычно, точно она у меня пустая. Точно выкачали отсюда все и потому больно, остро чувствую черепные кости.

Часто подходит сестра, — то запишет что-то на бумажке, прикрепленной к спинке моей койки, то поправит вылезавшую из матраца солому, а то — высвободив из-под шинели руку, засучивает рукав рубашки, и тогда я чувствую в руке короткий укол.

Видел около себя человека в белом халате. Сестра ему что-то говорила. Разобрал только одно слово — сердце. Уходя человек в белом халате крикнул сестре: — Продолжайте!

О чем это они?.. Не о том-ли, что так бережно храню я?..

Сестра положила мне под голову что-то мягкое, нежное, что напомнило мне детство.

— Подушку вам принесла, — ласково говорит сестра, — ничего что маленькая: это моя „думка“..

Я молча смотрю на нее... — принесла, так принесла...

Много раз короткий день сменялся долгой ночью. Много раз нетерпеливо ожидал появления зари и с кроткой любовью следил я за схватками первых лучей с тьмою. Слушал стоны и бред больных. Слушал хлюпанье дождя за стеною, который падал, казалось, не переставая. Прислушивался ко всему, что творилось в бараке, но ни на минуту не упускал из виду искорку жизни, что тлела во мне.

И тогда ко мне чаще обыкновенного подходила сестра. Чаще ощущал я уколы в руке. Санитары разжимали мне крепко стиснутые зубы, что-то делали с моим языком, что-то вливали мне в горло... После этого я всегда видел чудесные сны...

Сколько дней и ночей продолжалось такое состояние?.. Не знаю. Сестра, наверное, знала.

День сменялся ночью и приходил опять такой-же унылый, больной. Менялись жильцы барака, а я все лежал на своей койке с разодранным матрацем из которого уже давно вытрусилась солома и все так-же чутко прислушивался к тому, что происходило внутри меня; все так же был тих и мирен.

Но потом постепенно мною начало овладевать нервное возбуждение, какое-то беспокойство.

Начал ждать что-то. Что, — не знаю да и не старался узнать. Но это ожидание наполнило сердце тревогою. До сих пор такое мирное, тихое, оно начало как-бы дрожать мелкой внутренней дрожью и быстро выталкивать в безжизненные капилляры струйки горячей крови.

Особенно сильно чувствовалась эта тревога, — это беспокойное, напряженное ожидание ночью, когда мало по малу утихнут больные и ничто не мешает сосредоточить все внимание на самом себе.

Тогда я нетерпеливо ожидаю что-то, что должно случиться и что разрешит, наконец, какой-то вопрос, кружащий над моей койкою с того самого дня, когда меня на нее бросили сербские солдаты и от разрешения которого зависит все...

Спал я обычно очень мало. Но однажды, утомленный ожиданием, заснул крепче обыкновенного и в первый раз пропустил появление рассвета.

Внезапно проснулся и крик радости вырвался из моей наболевшей груди, а по щекам полились слезы... — Солнышко!..

Это ты, мое любимое, наконец, вернулось ко мне! Это тебя с такой мучительной тревогою ожидал я все эти дни! Это твой поцелуй пробудил меня, а теплые лучи твоей легкой тканью победившей жизни покрыли исхудалое тело мое!..

— Солнышко... Солнышко... шепчу я и смеюсь и плачу... протягивая руки к нему...

— Солнышко...

— Чему это вы так блаженно улыбаетесь? спрашивает сестра,

— Солнышку, — не стыдясь своих слез, отвечаю ей.

— Вы правы: кризис у вас прошел...

— Ах, какой там кризис, какой кризис! думаю я, когда это — солнышко! И чувствую, как теплит оно меня, как светлой радостью вливается в душу и будит в ней целые стаи надежд... Слышу, как шепчет оно золотыми устами лучей своих.

— Будешь жить... Будешь жить...

Шопот этот разрешается в могучую песню жизни, которую не омрачают безобразные крики и стоны моих соседей...

А их становилось все больше и больше. Теперь я уже видел их, отличал одного от другого, интересовался ими.

С одной стороны около меня лежит старик черноморец, с другой девочка. К старику приходит его дочка, Ксения. Иногда она приводит с собою двух мальчугов. Это — внуки. Отца нет: убит в Крыму. Мать отстала где-то на Черноморском побережье и пропала без вести...

Против меня лежит казачка. У нее, как осложнение тифа, парализованы ноги и нижняя часть тела. Целые ночи и дни она громко кричит, никого не узнает и, очевидно, мучится ужасно.

От утра до позднего вечера у ее изголовья стоит высокий чернобородый казак. Держась за полы его полушубка, около него стоят мальчик и девочка, а на руках у него еще мальчик, которому едва ли есть полных два года.

Казак пристально смотрит в лицо умирающей жены. Я вижу, как, время от времени, на его бороде блестят серебряные капли — слезы. Изредка он пересадит с одной руки на другую ребенка, покажет ему на больную и полувопросительно скажет:

— Мати?..

И тогда у него дрожит борода и чаще по ней пробегают серебряные капли.

На другой койке около умирающей казачки лежит казак. Мне видны только его борода да руки, которыми он непрестанно что-то ловит в воздухе. Это интересуется старшего мальчугана и он спрашивает отца:

— Тато, що він лове?..

Отец, не отводя глаз от больной, только гладит его по голове свободной рукою.

Иногда какому нибудь больному уделялось больше внимания, чем остальным. К нему чаще подходил доктор; его чаще навещали казаки...

А потом его выносили. А на его место приносили другого...

Так, однажды, вынесли и казачку. Два дня и две ночи кричала она, не переставая. Это не были крики от физической боли. Похоже было, что она о чем-то просила, что-то спрашивала... На рассвете третьего дня она вдруг затихла.

А когда санитары проносили ее около моей койки, я увидел желтое восковое лицо, с застывшим на нем страданием и оставшимся без ответа вопросом:

— За что?.. За что мне все эти страдания и смерть так страшно далеко от родной станицы?..

Мой сосед, старик черноморец, приподнялся, посмотрел, перекрестил дрожащей рукою умершую и, как-то по детски всхлипнув, произнес:

— Раньше тільки козаки на чужбині вмирали, а тепер і бідним козакам прийшлося...

Я не знав ні якої сейчас день, ні даже місяць, ні судя по тому, що в барак чаще і чаще стало заглядывать сонце, що рассвет наступал раньше і смее, а за стеной уже не плакала непогода — должно быть была весна.

То, что сейчас именно весна и что я преодолел болезнь (а я это чувствовал), наполнило меня радостью жизни, чисто животной радостью. Я все время двигался, поворачивался с боку на бок, поднимал руки кверху, шевелил пальцами... И это доставляло мне неизъяснимое наслаждение. Я радовался, что вот захочу поднять руку — и я ее поднимаю, захочу шевелить пальцами и — шевелю ими и делаю это потому, только потому, что я хочу это и знаю, что это я хочу.

Чрезвычайно интересовался своей температурой, добросовестно выдерживал подмышкой термометр, радовался, когда температура приближалась к нормальной и приходил в уныние, когда она ухудшалась.

Но больше всего меня занимал вопрос о еде. Есть я хотел ужасно. И иногда плакал от досады, что сестра мне ничего не дает, кроме чая и пол-стакана молока с крохотным сухарем... Какими жадными завистливыми глазами смотрел я на своего соседа, когда он смачно ел суп! Кажется, если бы не был так слаб, кинулся бы на него и мигом проглотил весь суп.

Теперь я уже не слежу за борьбой тьмы с рассветом. Просыпаюсь поздно. И первой моей мыслью при пробуждении было — дадут ли мне сегодня есть или опять — мал мало млека и чай, — как говорил всякий раз доктор.

Смотрел, как убирала барак санитары, как потом один из них брал большой чайник и выходил из барака. Ожидал его. Загадывал откуда он начнет разносить чай, когда дойдет очередь до меня. Выпив чай — ожидал обеда...

Иногда мне казалось, что доктор зол на меня, что он нарочито задерживает меня в тифозном бараке, что я заболел вновь. И тогда я жаловался на доктора сестре, санитарам, соседям... Но сестра и санитары были вечно заняты и не слушали меня, а соседи были или совершенно не склонны к разговорам, или сами хотели, чтобы я слушал их жалобы.

Самый вид больных — грязных, вшивых — раздражал меня. Стоны их были мне противны. Воздух тяжелый и спертый — невыносим.

Теперь здесь было более тридцати человек. И если раньше меня мучила по ночам гробовая тишина, — бред, стоны, крики о помощи, ругань — мучили теперь еще сильнее.

В одно светлое утро, когда я, лежа на своей койке, смотрел на цепь далеких, все еще неизвестных мне гор, а думал о другой цепи гор, ясно видимых из моей родной станицы, ко мне подошел санитар и сказал:

— Вы можете идти из барака.

Неспеша поднялся, взял свой мешек и поплелся к выходу... Свежий воздух и солнце не влили в меня сил, ни бодрости; наоборот — ослабили. Пропелся шагов сто. Сел на дороге под зазеленевшей вербою, положил мешок на колени...

— Ну, а куда теперь?..

С пригорка барак казался длинным черным гробом.

— Ну, вышел из него, а впереди?.. Впереди дорога... Куда она ведет, куда я по ней дойду?..

Смотрю на свой барак тифозный:

— Прощай!.. Сюда я уж не вернусь никогда...

И все-же — вернулся, когда выносили сестру...

В один хмурый, плаксивый день, когда я был уже в другом бараке, ее отнесли на „Казачье“ кладбище и положили рядом с теми, кто раньше нас окончил карантин.

С нею положили и ее маленькую подушечку, ее „думку“...

Я шел за ее гробом и, когда ее опустили в неглубокую могилу, бросил туда ком земли...

Кто ты и откуда пришла к нам в барак тифозный?..

Нежданная, появилась около моей койки. — Положила мне под голову свою маленькую „думку“...

И умерла... И с тобой вместе умерла и твоя „думка“...

И никто не узнает, что думала эта девушка, уходя с нами из родных гнезд в далекий путь изгнания...

С. Савицкий. (Бразилія).

ГЕЙ, КУБАНСЬКІ КОЗАКИ!

Гей, кубанські козаки!
Годі нам блукати.
Ми не справжні бурлаки —
Є у нас і хати,

Гей, кубанські козаки!
Чи у бій готові
За свої степи, садки,
За ліси дубові?

Гей, кубанські козаки!
Де ваші рушніці?
Де сталеві шабельки? —
Час вже на станиці.

Гей, кубанські козаки!
Там наші дівчата.
Там сумують і жінки
Й діти — соколята.

Гей, кубанські козаки!
Відшукаймо зброю,
Та гуртуймось у полки —
Станемо до бою.

Гей, кубанські козаки, —
Серце в нас козаچه,
В бій підемо, як вовки —
Хай Кубань не плаче.

О. Олесь.

* * *

Море, о море, приснись хоч мені, —
Словнено серце отрути...
О коли-б я, хочь в короткому сні,
Зміг твою пісню почути.

Як я люблю твої спеві, твій шум!
Як я тебе розумію!..
Скільки мені ти приносило дум,
Як окриляло надію!

Перли мені ти на берег несло,
Срібним дощем обсіпало,
Степом, садами, лугами цвіло,
В кобзу себе обертало.

Ех, не справдились надії мої,
Снігом лани мої вкрито,
Стихли у грудях моїх солові,
Крила мені перебито...

Море, о море! ти вернеш мені
Те, що недоля розбила.
З перлами разом у тебе на дні,
Знаю, лежать мої крила.

Любовь Самсонова.
(Прага).

* * *

Ночь... Безлунье... Темнота...
Степь не дышит, тишина —
Чей то шорох, чей то шепот,
Чей то ласковый смешок...
Ходит, бродит за стеною,
Притаился, ждет грешок.
Разметались змеи-косы,
Гаснет чадная свеча,
Сердце жалят, будто осы —
Грудь под шелком горяча...
Широка постель да тесно
Телу девичьему в ней,
Сердце слышит чьи то песни —
Чей то голос в них звончей.

— Ах, ты, воля, моя воля,
Ах, ты, степь моя, весной,
Ах, ты, девичья доля,
Ах, ты, девичий покой!
Чей то карий глаз тревожит,
Кто-то шепчет — выходи...
И молитва не поможет,
И креста хоть не клади!
Томит, томит эта ночька —
Не заснешь, знать, до утра...
С плеч спустилася сорочка,
Растрепалася коса.
Палец режет, палец давит
Ненавистный перстенок,
Знать нечистый дух лукавит,
Аль не люб что-ль женишок?
Староват маленько, что-ли?..
Али волос не кольцом?
Ах, ты, девичья доля,
Ах, вы, встречи с казаком!
Ах, вы, карие вы очи,
Ах, вы, губы, что огонь,
Ах, вы, майские вы ночи,
Ах, мой вещий страшный сон!
Коротки те были ночки,
Старый силен да богат,
Не послушалась бы дочка,
Да отец то строговат!
Эх, казачее ты счастье —
Сила есть, да пуст карман —
Уж давненько на несчастье
Не громили басурман!
Расставались, целовались —
Слез то сколько пролила,
Коням под ноги бросалась,
Крест нателный отдала!
Ах, ты, воля, моя воля,
Не сломить тебя силком,

Да такая, видно, доля —
Уговором да щипком.

Притаился за стеною —
Ходит, бродит, ждет грешок,
Кто то шепчет за спиною,
Кто то жарко к уху льнет —
Он вернулся, воротился
Молодой казак домой,
В шелк да в бархат нарядился,
Да с богатою казной!

Да растет, да цветет, да калинушка*)
В зеленом саду,
Да не тонкая, да не звонкая,
Листом широка.
Да нельзя, да нельзя, да калинушку
Не зрелую рвать,
Да не спелую, да не зрелую,
Не наливную.
Да нельзя, да нельзя, да девчечку
Не сватану брать,
Да не сватаную, да не венчаную, —
Не нарочную.
Да среди дворца, да стоит крыльцо,
Раскрашеное.
Да с того крыльца, да ведут молодца
С красавицей.
А другой то стоит, он и сердцем болит
Над невольюшкой.
Да пропали мои сладки пряники,
Что я к ней носил,
Да пропали мои темны ноченьки,
Что я к ней ходил.

— Ах, ты, голос, голос в поле,
Ах, ты, сладкая тоска,
Ах, сломалась моя воля
На груди у казака!
Ах, чужая я невеста,
Да старик то мне не люб, —
На плечи катая хоть тесто,
А у друга в кольцах чуб!..
Поищи-ка в поле ветер —
А казак не ветер, что-ль?
Свищет, рыщет в белом свете...
Эх, ты, девичья любовь!

Скрип двери, шаги, смешок,
Быстрый жаркий шепоток —
Ухмыляется грешок...
Топот взвихренных копыт...
Степь не дышит, степь молчит...

*) Казачья старинная песня.

Гнат Макуха.
(Югославия).

ДО КОЗАКІВ.

Ой, злітайтесь, орли сизі,
Злітайтесь на раду,
Та з'єднаймося, як рідні,
Згуртуймось до ладу.
Що нам рідне, і де мати,
і чії ми діти,
І доки нам у чужині
Без волі сидіти.
Доки будем по чужині
Шукать собі долі? —
Вона в степу широкому,
На рідному полі.

Вона в степу на Кубані,
На широком Доні,
На Тереку, козачая,
В широком роздоллі
Виростала, кохалася,
А дощем мочилася,
Та на траві вітром буйним
День і ніч сушилася.
Отам вона, козачая;
Туди йти шукати,
Там наш батько, жінка, діти,
Там рідная мати.
Там є слава батьків наших,
Там є наша воля;
То край рідний — наша няня,
А на ньому доля,

Ропускайте ж міцні крила,
 Годі так блукати,
 Пора, брати, своє гніздо
 Пора визволяти.
 Дон, Кубань та буйний Терек —
 Діти, брати милі!
 Еднаймося всі до купи,
 Орлі сизокрили.
 Еднаймося всі до купи,
 Та будем летіти
 До рідного, — бо то ж неня,
 А ми її діти.

Сором бере, як згадаєш,
 Що були, що мали —
 Сині слави, царі волі
 Наймидами стали.
 Чи не плаче ж ваше серце,
 Не розрива груди,
 Що керують вашим краєм
 Чужі, лихі люде?
 Ропускайте ж міцні крила,
 До купи злітайтеся,
 Та рідний край, славу, волю
 Й долю визволяйте!

Наши предпосылки в прошлом.

Великие политическо-государственные идеи не рождаются сразу готовыми во всей своей совершенной законченности и окончательной формулировке. Тем меньше сразу получают они полное осуществление в действительной жизни. Но, когда какая-нибудь идея, раз родившись, устойчиво „живет“ и развивается и, несмотря на видимые неудачи, постоянно возрождается снова и снова, то это значит, что идея сама по себе жизненна, что рано или поздно она восторжествует.

Одной из таких идей, одной из политическо-государственных концепций, которая на протяжении последнего десятилетия несколько раз уже возрождалась, росла, проявляла явное стремление к развитию и не только никогда не умирала, но, наоборот, каждый раз подчеркивала элементы своей здоровой жизненности, — есть идея создания союза казачьих государств-республик, расположенных между Черным, Азовским и Каспийским морями, от Дона до Яика. Будущее, которое наступит после освобождения этих Земель из под власти нынешних их завоевателей, дождется, очевидно, формулировку этой идеи осуществлением ее в действительности. Не лишним, поэтому, будет проследить хотя бы в общих чертах зарождение и историческое развитие этой мысли, которая все равно должна будет занять соответствующее внимание Казачества и теперь и в будущее время грядущей борьбы за освобождение.

Когда в 1917 году начали вырисовываться общие контуры исхода революционных событий в направлении разрешения национального вопроса народов б. России в смысле национального самоопределения и государственной самостоятельности, когда эти идеи начали постепенно овладевать событиями и в Казачьих Землях, когда Кубань и Дон (прежде всего) начали формироваться и складываться по их собственному почину в самодовлеющие государственные организации (в понимании 1917 года — штаты будущей Российской федерации, — тогда, в 1917 г., все народы б. России стояли еще на почве фе-

дерации), — тогда уже зародилась и другая идея, много раз потом повторяющаяся, идея создания Юго-Восточного Союза казачьих и неказачьих государственных образований.

Созданная весной 1917 года практически необъятная идея союза всех казачьих Войск начинается осенью того же года замирать, как не имевшая под собою реальной почвы. Идею союза всех казачьих Войск сменяет более жизненная мысль создания соглашения между Казачьими Землями и Народами, живущими с нами по соседству, в границах между Доном, Кавказом, Каспийским морем и Яиком, т. е. между Краями, которые кроме того, что имеют или могут иметь общие политические, экономические, национальные или другие какие интересы, являются еще и территориальными соседями, непосредственно граничат друг с другом, так что та или иная политическо-государственная комбинация их имеет под собою такой существенный аргумент, как компактная и неразрывная территория.

Идея Юго-Восточного Союза в 1917 году на более горячих сторонников нашла на Кубани, которая тогда уже была более радикально настроена со своим федерализмом против автономизма тогдашнего правящего Дона. Инициативу практического осуществления идеи Ю.-В. Союза взяли на себя тогда кубанцы.

Первая конференция представителей казачьих и горских государственных образований, предпринявшая образование Ю.-В. Союза, состоялась в Екатеринодаре 20-24 сентября (ст. ст.) 1917 г. Последовавшая затем вторая конференция во Владикавказе в середине октября приняла уже и договор — конституцию „Юго-Восточного Союза казачьих Войск, горских народов Кавказа и вольных народов степей“. Хотя во главе Союза, согласно конституции его, становилось особое правительство — союзная власть, но по существу Союз представляет собою скорее целевое соглашение, чем государственное образование.

Характер и задачи Союза предопределялись несомненно и теми многочисленными побудитель-

ными причинами или большими „больными“ вопросами того времени, которые стояли тогда перед каждым из участников Союза в отдельности и перед всеми ими в целом. Сепаратизма тогда еще не было, все народы и казахи Земли в том числе становились в то время еще только на путь федерации. Но уже распространено было среди казачества опасение за свою судьбу и за будущее своих Земель перед „Всероссийским Учредительным Собранием“, уже тогда нескрываясь выявлялось сильное желание уйти от чрезмерной „опеки“ Москвы, освободиться не только политически, но и экономически. А раз принималась тогда еще формула сохранения б. Р. империи в виде Всероссийской федерации, — было естественным желание федералистов организованно оказать влияние на установление желательного государственного строя будущей России.

В последующем оказалось, что Ю.-В. Союз сколько нибудь значительной роли не сыграл. Нельзя, конечно, неудачу эту отнести за счет нежизненности самой идеи государственного сотрудничества в той или иной форме участников Союза — донцов, кубанцев, терцев, калмыков и др. Несомненно, что вопрос о союзе поставлен был раньше времени, раньше, чем окончательно самоопределились, выкристаллизовались сами участники его. К тому же в то время члены Союза слишком заняты были каждый своими внутренними делами, бывшими у всех тогда, осенью 1917 года и следующей зимой, в далеко не блестящем положении.

Идея бывшего Юго-Восточного Союза, как будущего штата Всероссийской федеративной республики, не удалось, т. к. не осуществилась прежде всего сама „Всероссийская Федеративная Республика“. Но идея соглашения или государственного Союза Казачьих Земель и других степных народов между собою не умерла, она уже в следующем году возродилась в форме „Дона-Кавказского Союза“, инициатива которого исходила от донцов.

Если „Юго-Восточный Союз“ не разрывал с Россией (в 1917 году ни один народ, добившийся после государственной самостоятельности или еще ее добывающийся сейчас, на путь полного сепаратизма еще не стал, — Украина провозгласила свою самостоятельность 22 января, Грузия 26 мая, Армения 28 мая, и т. д., — все в 1918 г.), если целью его было перестроить „единую, неделимую“ Россию на федеративную республику, то „Дона-Кавказский Союз“ должен был провозгласить себя и формально (хотя по мысли его инициаторов и временно!) суверенным, т. е. независимым государством. Статья первая проекта Дона-Кавказского Союза гласит: „Дона-Кавказский Союз состоит из самостоятельно управляемых государств: Всевеликого Войска Донского, Кубанского Войска, Терского Войска, Астраханского Войска и Союза Горцев Северного Кавказа и Дагестана, соединенных в одно государство на началах федерации“.

Проект Д.-К. Союза уже ничего не говорит о России. Статья двенадцатая проекта говорит: „Дона-Кавказский Союз, провозглашая себя самостоятельной державой, объявляет вместе с тем, что он находится в состоянии нейтралитета, не будучи в положении войны с какой либо державой мира, борется лишь с большевицкими войсками, находящимися на его территории“.

Дона-Кавказский Союз остался только проектом, он так и не вышел из стадии переговоров, т. к. Кубань в это время была связана по рукам и по ногам Добрармией, а командование Добрармии, в лице ген. Деникина, заняло к проекту Союза резко-отрицательную позицию. Без Кубани же, второй, после Дона, основной составляющей проектировавшегося Дона-Кавказского Союза, он, конечно, осуществиться в действительности не мог.

Дальнейшей попыткой сговориться и установить взаимоотношения между Доном, Кубанью и Терском была так наз. „Южно-Русская Конференция“ 1919 года. Собственно говоря, в начале это не была „Южно-Русская Конференция“, а конференция Дона-Кубано-Терская, созванная для того, чтобы в первую очередь разрешить проблему Казачьих Земель-Республик, а затем уже определить и общее отношение их к делу Добровольческой армии, установить взаимоотношения с ее руководителями. И только после убийства председателя кубанской делегации Н. С. Рябова задачи конференции были несколько изменены и ей был придан „Южно-Русский“ характер, с непременным „руководящим“ участием Добрармии с тем, чтобы и будущее возглавление создаваемой „Южной России“ принадлежало не только фактически, но и юридически возглавлению „Вооруженных сил Юга России“. Южно-Русская конференция“ окончилась неудачей, ген. Деникин так и не получил никакого правового титула, который бы „по закону“ ставил его в каком бы то ни было отношении над Казачьими Республиками.

Неудачу Конференции, которая первой своей задачей имела сговор Дона, Кубани и Терка, следует отнести прежде всего на счет упомянутого уже слишком поспешного изменения ее первоначальных задач. Весьма возможно, что если бы возглавление Добрармии не вклинилось (или не было вклинено) в начинавшееся дело (возрождавшаяся здесь, конечно, все та же идея, хотя и в измененной несколько форме, которую мы видели уже и в „Юго-Восточном Союзе“ и в „Дона-Кавказском Союзе“), — может быть Казачьи Земли тогда уже договорились между собою более определенно и, весьма возможно, этот сговор оказал бы свое влияние на последующий ход событий, результаты которых, вероятно, были бы иные.

Небезинтересным будет здесь отметить и одну характерную „деталь“ этой Конференции. Тот новый характер Конференции, какой придан был ей после смерти Рябова, не отвечал настроениям и интересам Кубани. Кубанцы пре-

красно видели тогда уже, что „торжество“ Деникина в „Южной России“ несет немедленную гибель Казачеству и его делу и потому руководящая часть кубанской делегации, хорошо зная, с кем она будет иметь дело, приняла для себя (по соглашению с руководящими кругами Рады) решение, что она воспрепятствует всякому проекту, который в какой бы то ни было форме ставил Кубань (а, значит, и Дон, и Терек) в политическую или другую какую зависимость от Добрармии. Зная своих „контрагентов“, кубанцы решили, что цели они своей достигнут (т. е., чтобы нежелательное соглашение не было осуществлено), если будут на Конференции защищать настоящую федерацию. Средство оказалось прекрасным. Семь месяцев защищали казаки свои федералистические тезисы против представителей „Особого Совещания“ — правительства Главного Командования Вооруженными Силами Юга России. Так ни с чем и разошлись, — хороший пример для некоторых наших теперешних федералистов.

Последней попыткой найти общий язык между Доном, Кубанью и Терекком еще там, на своей Земле, был „Верховный Круг Дона, Кубани и Терека“, созданный в январе 1920 г. в Екатеринодаре.

Когда начала выясняться „неудача“ „Южно-Русской Конференции“, кубанцы попробовали еще раз сговориться непосредственно с донцами и терцами, помимо „Особого Совещания“. По инициативе Кубанской Законодательной Рады был поставлен, а донцами и терцами принят вопрос о созыве „Верховного Круга“, построенного по Сюзному принципу — равенства представительства.

„Верховный Круг Дона, Кубани и Терека“ собрался в Екатеринодаре 5 января 1920 г., но Дон в это время снова был оккупирован большевиками, война переносилась в пределы Кубани, плохо было на Терекке и над возможными решениями Верховного Круга тяготела уже приближавшаяся военная катастрофа. И на этот раз Казачество не имело свободных рук и не могло говорить друг с другом так, как того бы хотело.

Круг принял Положение о Верховном Круге, начинавшееся торжественным:

„Мы избранники Донского Войскового Круга, Кубанской Краевой Рады и Терского Большого Войскового Круга, в тяжелый исторический момент, когда купленной потоками крови свободе и самому существованию всего населения грозит гибель, собрались в Екатеринодаре для организации решительной борьбы против большевиков и очищения от них наших территорий, защиты от разгрома родных очагов, установления внутреннего спокойствия и обеспечения свободы и права, берем в свои руки Верховную власть по делам общим для Дона, Кубани и Терека и устанавливаем следующее положение о Верховном Круге:

Верховный Круг является полномочным пред-

ставительством государственных образований Дона, Кубани и Терека и ставит себе задачи:

а) установление Сюзного Государства, составленного из указанных выше территорий, с возможностью расширения пределов Сюзного Государства включением новых областей на основах сюзной конституции и по свободному волеизъявлению населения тех областей;

б) создание сюзной власти...

Но было уже поздно.

Приняв это положение, Верховный Круг не имел силы и возможности осуществить его в жизни. В дело Верховного Круга вмешался ген. Деникин и... повторилась „Южно-Русская Конференция“. Начались бесконечные споры о „южно-русской власти“, о законодательной или законосовещательной власти Народного представительства, потом — вынужденное „соглашение“, после этого — снова разрыв.

Далее катастрофа: для одних — оккупация, для других — изгнание.

Все упомянутые выше попытки осуществить идею Союза казачьих государств-республик не увенчались успехом, но та настойчивость, с которой сама идея, после каждой неудачи, возрождалась вновь в новой форме, служит лучшим доказательством, что в самой идее есть здоровое, жизненное начало, имеющее свое будущее.

Все попытки, о которых мы говорили выше, имели место в то время, когда события, стоявшие перед Казачеством или его захватившие, были сильнее самой сильной воли отдельных людей.

Кроме того, и „Юго-Восточный Союз“, и „Донно-Кавказский Союз“, и „Южно-Русская Конференция“ — все это было делом рук правящей головки Казачества все равно на Кубани или на Дону. Более широкое участие в осуществлении сговора Казачества приняло само казачество только на Верховном Круге.

Безусловно, что рассматриваемую нами идею несколько дискредитировали сейчас там большевики созданием Северо-Кавказского Края и разделом Дона и Кубани. С этим придется считаться, хотя мы и полагаем, что население и Дона, и Кубани, как и др. Земель сумело и сумеет в будущем правильно разобратся в большевицкой политике, направленной в наших Краях главным образом на ослабление Казачества.

Ныне, вместе с лозунгом освобождения казачьих Земель из под власти красной Москвы, идея будущего Союза освобожденных казачьих Республик и автономных национальных областей между Доном, Кавказом и Яиком — снова воскресает, с той только разницей по сравнению с прошлым, что теперь она становится достоянием широких масс казачества, а в этом лежит зарука не только живучести этой политическо-государственной концепции, но и залог ее успешного осуществления.

Д-р Евгения Балабас.

К девятой годовщине трагической смерти Н. С. Рябовола.

27 июня (н. ст.) этого года исполняется девять лет, как в Ростове н/Д, в ночной темноте вестибюля гост. „Палас-Отель“, двумя выстрелами из револьвера, сзади, в затылок и голову, тыловыми „героями“ при одном из отрядов „особого назначения“ Добровольческой армии, был убит кубанский патриот, Николай Стапанович Рябовол, несменяемый Председатель Кубанской Краевой Рады.

Алчные и трусливые обломки развалившейся помещицко-крепостнической Единой Неделимой, у которых никогда не было мужества стать в открытый бой для защиты своего положения, или, тем более, своих убеждений, найдя защиту и приют в Казачьих Землях, обратили здесь свое заржавевшее оружие против лучшего и первейшего представителя Казачества, того Казачества, что изнемогало в неравной борьбе, как за свободу и жизнь свою, так одинаково за жизнь и свободу других, обратили свое оружие против главы наивысшего законодательного установления Кубани.

Убийство Н. С. Рябовола произошло в период наибольшего территориального расширения Доброармии, т. е. тогда, когда она впитала в свои тыловые учреждения наибольшее количество тех, кто никогда не участвовал в честном открытом бою ни на чьей стороне и кто, обыкновенно, по отношению к большевикам были так лояльны, что воинские части антибольшевицких сил заставляли их нередко еще в их именованьях, как спеццов, особенно по части военно-чикистской. В лучшем случае (как это каждый видел в городах Украины, в то время занятой немцами), эта доблестная рать с Георгиями и Владимирями в петлице служила лакеями в кафе и ресторанах (это был своего рода протест против „неблагодарного отечества“!), глухая к призывам обескровленных казачьих и корниловских полков, взывавших ко всем честным бойцам из глубины кубанско-донских степей.

Когда же границы антибольшевицких сил раздвинулись так, что орудийные выстрелы не были слышны уже в Екатеринодаре, Ростове, Новочеркасске, — мостовые, кафе и рестораны этих городов моментально наполнились бодрой, наглой и „непримиримой“ ратью тыловых трутней, стремившихся чужими силами, чужою кровью и жизнью возратить утерянное благополучие.

В июне 1919 г. Доброармия считала свое дело почти выигранным и потому ее тыловая рать в это время наиболее обнаглела и зашевелилась, проявила *maximum* энергии в своих штабах, учреждениях и в своей бесчисленной прессе в травле и борьбе против казачьих политических деятелей. У добровольческих героев тыла (да и не только тыла!) как раз в это время остро проявились опасения о том, что их „достижения“, т. е., возврат имений и нераздельное господство над всем, не будут санкционированы и закреплены, если в армии останется хоть тень политических идей, за какие борется Казачество. „Триумфальное“ их шествие на Москву омрачалось существованием демократических казачьих установлений и самостийническими тенденциями казачества. Кипели ненавистью к тем, кто мешал их бесконтрольному и безраздельному господству.

Особенной ненавистью титулованных и сиятельных „героев“ пользовались кубанцы.

Н. С. Рябовол, как наиболее яркий, сильный и передовой выявитель настроения кубанского казачества, особенно его украинской части, как глава наивысшего законодательного органа Кубани, концентрировал на себе всю злобу шипевшей изо всех щелей сиятельно-титulóванной тыловой рати Доброармии.

Но все же, трусливая и, в тыловых учреждениях на Кубани, сравнительно бессильная, рать эта на Земле Кубанской, несмотря на то, что имела уже верных союзников и преданных помощников даже во дворце Войскового Атамана, нападать с оружием (даже из за угла!) не осмелилась. Первые выстрелы на кубанцев она произвела на Земле Всевеликого Войска Донского.

В Ростове Н. С. Рябовол в июне 1919 года был, как председатель делегации Кубанской Рады „на совещании с такими же делегациями Донской и Терской — по вопросу об установлении взаимоотношений между Доном, Кубанью и Терексом с одной стороны и определении отношений этих государственных организаций с Командованием Вооруженных Сил Юга России с другой*“). По приезде в Ростов, делегация, по причинам не от нее зависящим, остановилась в гост. „Палас-Отель“. Гостиница эта, „находившаяся тогда в исключительном ведении ростовского „генерал-губернатора“ Семенова представляла из себя целый муравейник, с весьма характерным для деникинской эпохи населением.

В то время, когда даже довольно высоким чином Дона, приезжавшим в Ростов из Новочеркаска или с фронта невозможно было найти номер в этой гостинице на 2-3 дня, здесь целыми месяцами проживали офицеры с известными фамилиями, но неизвестным местом службы; здесь свивали себе гнезда весьма нечиновные контр-разведчики и величавые сановники царского времени, приехавшие на „их“ Юг восстанавливать с помощью самостийной казачьей крови „Единую и Неделимую“, точнее же — своз прежде благополучие; здесь помещались тайные штабы и базы отрядов „особого назначения“, здесь целые стаи изящных дам соперничали величиною бриллиантов на своих руках и шеях с вереницами шикарно одетых в штатские костюмы мужчин, беспрестанно трактовавших об иностранной валюте. Тут известный жандармский генерал Комиссаров обдумывал планы своих новых авантур, а не менее знаменитый герой эпохи, войсковой старшина Икаев, осужденный на смерть донским военным судом и благосклонно принятый в Доброармию, составляли диспозиции будущих налетов на более состоятельных граждан Ростова...

Приезд Кубанской Делегации нарушил весьма „мирную“ жизнь обитателей „Палас-Отеля.“ Всем было хорошо известно, что кубанские самостийники относятся с явным недоброжелательством ко всем этим паразитам, окопавшимся в тылу, а также далеко не одобряют рода их деятельности и планов на будущее. Они знали, что к самому перенесению войны в пределы России с тем, чтобы казачьими руками делать там деникинское дело, кубанские патриоты относились отрицательно.

Ясно, что представители единоедельнического самодержавия не могли остаться хладнокровными, находясь в такой близости к своим врагам: не могли скрывать свою злобу к представителям „провинциального демократизма.“

С первого же момента прибытия Кубанской делегации, начались наглые демонстративные выходы по ее адресу со стороны, главным образом, „аристократических“ обитателей гостиницы, более всего обиженных тем, что казачество не разделяло их стремлений вырвать из рук крестьянства их поместья. Нередко в догонку кубанским делегатам неслась самая отборная брань.

Особенным неистовством отличался кружок гвардейской молодежи, группировавшейся возле графа Ил. Воронцова-Дашкова, служившего в отряде „особого назначения“ ротмистра Баранова. Отряд этот „работал“ где то в тылу, но его штаб и его база помещались в Палас Отеле“.**)

В кругу этих героев тыла было организовано и выполнено убийство Н. С. Рябовола. Но, впрочем, не только эти герои ночных ресторанов сопричастны к этому преступлению, сопричастны к нему и более официальные, более высокие учреждения Доброармии.

Производивший следствие об убийстве Н. С. Рябовола, судебный следователь по важнейшим делам По-

*) „Голос Казачества“ №. 21, 12 февраля, 1922 г.

**) „Голос Казачества“ №. 21, 12-II 1922.

пов установил обстоятельства, какие говорили недвусмысленно, где нужно искать убийц. Было точно установлено: а) внешность убийц, б) № автомобиля, на котором убийцы следили за Н. С. Рябоволом по улицам Ростова и на котором после убийства скрылись, в) принадлежность этого автомобиля одному из высших учреждений Доброармии, г) интимная близость убийц к чинам Доброармии, так как убийцы, выслеживавшие свою жертву в течении многих часов в коридоре 3 этажа гостиницы, в перерывах слезки, запросто входили в тот номер, где офицеры отряда „особого назначения“ ротм. Баранова пировали во главе с молодым графом Воронцовым-Дашковым. Однако попытка следователя установить имя шофера, а также имена убийц, осталась тщетной. „Какая то сила, — как говорит один военный судейный деятель Дона, который выступал, как обвинитель по делу пособника убийц, комиссионера гостиницы „Палас-Отеля“ — сила не боявшаяся власти судебной, ставила препоны следователю рвению.“

Убийство Н. С. Рябовола осталось, таким образом, не раскрытым, т. е., убийцы не были задержаны, хотя оставили по себе следы, достаточные для их обнаружения. Не обнаружены убийцы потому, что этому препятствовали всемогущие в то время в Ростове учреждения Доброармии, особенно ее „контр-разведка“, которая, по совершенно непонятным причинам, взяла на себя тайное расследование этого злодеяния, на обязанности которой лежало, по закону, выуживание большевистских агентов, но отнюдь не раскрытие уголовных преступлений. При таких условиях судебный следователь скоро почувствовал свое бессилие добраться до корней дела. Перед судом очутился лишь один из третьестепенных пособников, комиссионер гостин. „Палас-Отель“.

Бессильны были также выполнить свое обещание, торжественно данное на чрезвычайном заседании Краевой Рады, представители донского Круга и донского правительства, обещание найти и наказать настоящих убийц. Бессильны потому, что не были полными хозяевами у себя на Дону.

Преступление зародилось и созрело в головах тыловой рати могущественной за казачий счет военно-политической организации — Доброармии. К тому же, не было недостатка и в верных и преданных союзниках и среди наивысших представителей Казачества. При таком положении вещей, все преступления отдельных членов или организаций Доброармии против Дона и Кубани, были безнаказанны. Кубань уже и до убийства Н. С. Рябовола имела несколько кровавых посягательств чинов Доброармии на жизнь ее граждан (Пашковские убийства).

■■■■■■■■■■

Ис. Быкадоров.

Качество или количество?

(Продолжение). *)

Качества всякого народа (национальности) зависят от сложных данных: от расового, племенного происхождения, исторических, географических, социально-экономических условий существования, культурного развития, быта и т. д. и, как складываются, так и изменяются длительным по времени процессом, через ряд поколений.

Российская либеральная и революционная интеллигенция объясняла и объясняет, что недочеты русского (великорусского) народа зависели, если не исключительно, то главным образом, от государственного (монархического) строя России.

Но есть и другое суждение: „каждый народ достоин своего правительства.“

Во всяком случае, даже в такие бурные процессы, как русская революция, качества народа в основах своих не изменяются: наоборот, происхождение процесса есть следствие качеств его, исторически сложившихся.

*) См. № 13 журнала.

Всем организмом Доброармии фатально и быстро овладевали титулованные и сиятельные тыловые герои, которые через несколько месяцев после убийства Н. С. Рябовола, толкнули ее вождей на путь кровавой расправы с представителями и установлениями тех, кому они были обязаны и своей силой и даже своим спасением. В этом другом нападении погиб Алексей Иванович Кулабухов, уже не представитель яростно ненавидимого крыла Кубани черноморцев, а представитель линейцев.

Убийцы Н. С. Рябовола остались не наказанными законом, их укрыла от правосудия могущественная в то время тыловая машинерия Доброармии. Убийцы А. И. Кулабухова и не скрывались. Теперь мы знаем, кто эти убийцы и тем более знаем всех интеллектуальных вдохновителей этих убийц. Одни из них уже получили свое возмездие, других оно еще ждет.

Но не чувством мести мы облегчаем боль свою над потерей лучших и смелых борцов за свободу Казачества. Наша боль ослабляется сознанием, что Н. С. Рябовол пал, как неизбежная, выкупная жертва, какие народ приносит в борьбе за свою лучшую долю; его трагическая смерть, это — необходимое потрясение, которое открывает глаза на сложную действительность, разобраться в которой без жестоких уроков судьбы народ не может.

Всякое просветление, особенно в старых заблуждениях, совершается только после трагических потрясений. В той бесконечной цепи страданий кубанского казачества, какие оно терпит в своей борьбе за свою независимость, трагическая смерть Н. С. Рябовола — одно из страданий поучительных. Эта смерть показала всем, что не окончательно ослеп, что Казачество в лице единонеделимцев имеет своих смертельных врагов.

К несчастью для казачества, среди него и до сих пор есть слепцы. Среди тех, что в настоящее время находятся в родных Землях, мы знаем, ослепление прошло: там красные „избавители“ просветили всех. Но здесь, в эмиграции, среди тех, кто уже многие годы скитаются по чужим землям, есть еще такие, что не отмежевались до сих пор от российских политических формаций, какие во взгляде на Казачество все единокорны, от крайней правой до самой левой.

Вольное казачество, в вопросах взаимоотношений с российскими партиями, не знает колебаний, оно стремится к тому, к чему стремился лучший патриот Кубани Н. С. Рябовол: казачество не хочет быть средством ни для белых, ни для красных, ни для каких бы то ни было иных единонеделимцев. Его стремлением есть: В свой хаті своя правда, і сила, і воля.

В проблеме самоопределения народов (национальностей) Востока Европы, качества имеют решающее значение: характер народа, степень культурного развития, национальное самосознание, воля, готовность к борьбе и т. д. являются главными данными в осуществлении программы самоопределения.

В настоящей статье мы остановимся на оценке различных народов бывшей России как боевого материала, большей или меньшей пригодности для создания вооруженной силы (по опыту Мировой войны и войн Великобритании с окраинами в 1918—20 г.). Едва-ли можно сомневаться, что в осуществлении самоопределения народов Востока Европы вооруженная сила будет играть решающую роль.

Российская интеллигенция, печалуйся о „благе“ русского (великорусского) народа, не скрывает и печатно и устно заявляет, что русский народ (?) этого самоопределения не допустит; не сможет он лишиться хлеба, нефти, хлопка и т. д., и что чуть ли не 150 мил. (?) сотрут с лица земли того, кто будет пытаться отделиться.

Эти угрозы — „шапками закидаем“ — не являются достоянием только черносотенного нововременского листа, в иных вариациях можно слышать то же и от представителей демократии буржуазной и демократии революционной.

Патентованный российский „федералист“ П. Н. Милюков еще 3 года тому назад заявлял, что если его система федерации не приемлема, то им придется обратиться к доводам российских генералов, т. е. к вооруженной силе.

В июньский (1928) свой приезд в П., бывший революционер А. Ф. Керенский заявил, что Россия настолько могущественна, что ей едва ли придется считаться с стремлениями к самоопределению ее народностей, в частности и казачества.

Таким образом, бывшая российская интеллигенция, тщето стремящаяся к той же роли и в будущем, скрыто и открыто решающим доводом против самоопределения народов Востока Европы выставляет вооруженную силу своего народа, играя, главным образом, числом, и передергивая, выставляет цифру 150—100 миллионного народа. Хотя эта цифра и далека от действительности, но все же 75—80 мил. великорусского народа, — что и говорить, цифра внушительная.

Народы бывш. России, самоопределившиеся и стремящиеся к самоопределению, составляют меньшую половину. Превосходство численное на стороне великорусского народа, но превосходство качества не на его стороне (качества для организации самостоятельной жизни и для вооруженной борьбы за нее).

Качества великорусского народа, как боевого материала по преимуществу, остаются неизменными на протяжении веков. Освобождение от крепостной зависимости, хотя произошло более столетия тому назад, не внесло существенных изменений.

Наоборот, возвращение к прежним ополчениям-армиям, лишение длительной обработки сырого людского материала обнаруживают качества великорусского народа те же, что были у него в XVI-XVII ст. Эпоха ведения войн вооруженным народом несет неизбежное поражение России.

Поражение в Мировую войну есть поражение не только русских армий, но и всего русского народа.

В 1917 г. армии еще сохраняли боеспособность, но русский народ, как таковой, уже потерял всякую сопротивляемость.

Восстанавливать ее нужно было не столько в армиях, сколько в народе.

В исследовании нашем является главной целью определение разной значимости боевых качеств различных национальностей бывш. России. По данному вопросу совершенно нет литературы. Пресловутая идея „единства русского народа“*) мешает ее появлению. Поэтому мы свои суждения основываем на своем собственном наблюдении и изучении этого вопроса во время самой войны.

Для всякого непредубежденного участника Мировой войны, имевшего достаточно широкое поле наблюдения, ясно, что наиболее слабым боевым материалом были великоруссы. Другие национальности, отличавшиеся более высокими качествами, не могли изменить общей картины. Наибольший процент (относительный) пленных падал на долю великороссов.

Еще осенью 1914 г. секретными приказами отмечалась позорная сдача рот и батальонов, не вызывавшаяся ни недостатками снарядов (вообще техники), ни боевыми действиями и как раз из частей, комплектовавшихся главным образом, если не исключительно, великороссами. Психологическое состояние, выражавшееся словами: „повоевали — будет“ было главной причиной сдачи.

Обратно, больший процент убитых и раненных (процент относительный, конечно) падал как раз не на великорусскую национальность.

Добровольная сдача постов, застав, разведывательных партий, это несчастье русских армий, как раз имело

*) Русским народом считались великороссы, „малороссы“, белоруссы, „казачки“, а „иностранцы“, если и были „русским народом“, — то считались сортом пониже.

развитие в частях с великорусским составом. Сводки, донесения объясняли поражения, неудачи всяческими причинами, тогда как главной причиной была часто „валяющая“ сдача вследствие неспособности, неспособности к простому сопротивлению великорусского материала.

Само собой понятно, что качества еще не определяют самой боевой деятельности, для выявления их необходимо одухотворение, то, что носит название настроения, воодушевления, энтузиазма, патриотизма и т. д. и, которое можно назвать идеологическим, моральным и психологическим состоянием народа в данную войну (к началу ее). Условия для всех национальностей бывш. России этого состояния были, казалось бы, одинаковыми, во всяком случае для народа — великодержца (великороссов) должны были бы быть наиболее благоприятными. Тем не менее моральная, идеологическая и психологическая формула, выражавшаяся: „мы пензенские, до нас не дойдет“ (с вариациями по губерниям) была достоянием исключительно великороссов.

Боеспособность войсковых частей в Мировую войну зависела, главным образом, от национального состава (от соотношения разных национальностей). Само собою понятно, что командный состав в войсковых частях и вообще в армии всегда имел и имеет весьма большое значение. Но и самый опытный тренер не может рабочую лошадь превратить в скаковую. У офицеров не было времени не только для идеологической, моральной и психологической тренировки сырого пополнения, но и для необходимого специального обучения: они были поставлены в условия возможности только использования людского материала.

Из великороссов высокой боеспособностью отличалось население северных губерний: пермской, вологодской, архангельской, но число их по сравнению с общей массой великороссов, было незначительно и не могло изменить общей картины. Эти высокие качества объясняются историческим прошлым (отсутствие крепостничества), особыми условиями народно-хозяйственной деятельности и быта тех губерний.

Для подтверждения утверждения зависимости боеспособности войсковых частей от национального состава приведем примеры.

Московский гренадерский корпус, комплектовавшийся из населения Московского промышленного района, с самого начала Мировой войны обнаружил очень слабую боеспособность. Поражение его австро-венгерцами в августе 1914 г. на люблинском направлении зависело исключительно от его слабой боеспособности.

Пополняемый из одного и того же источника Московский корпус за всю войну не поднимался никогда выше средней боеспособности.

Источник комплектования этого корпуса и в Русско-Турецкую войну был тот же, что и в Мировую, и боеспособность его была такой же. Неудача 2-ой Плевны зависела в значительной степени от малой боеспособности Московского гренадерского корпуса, и название, данное армией гренадерам — „кукурузники“, было меткой оценкой его боеспособности.

Обратно, как источник комплектования из народа с высокими боевыми качествами влияет на боеспособность частей, видно из боевой деятельности III Кавказского корпуса. Он комплектовался из южных губерний, состоял почти из одних украинцев и до конца войны имел один и тот же (украинский) источник пополнения. И III Кавказский корпус, с начала до конца войны часто перебрасываемый против всех противников на всех фронтах, показал исключительную боевую способность, высокую доблесть.

Изменение источников комплектования резко изменяло боеспособность частей.

Сибирские корпуса, укомплектованные из населения великорусского и украинского Сибири, в начале войны показали очень высокую боеспособность. Они и в Русско-Японскую войну были лучшими в русской армии.

Но в Мировую войну, после того, как они стали получать пополнения из центральных губерний (великорусских), боеспособность их сразу понижалась.

Кавказская армия показала очень высокую боеспособность и, конечно, турки были противником более серьезными, чем австрийцы, да и условия войны были

далеко не легче, чем на европейском театре; войсковые части кавказской армии укомплектованы были украинцами, поляками и вообще „инородцами“.

Одной из причин поражения 4 и 5 армий в августе 1914 г. на Холмско-Люблинском направлении и победы 8 и 3 на Львовском была та, что в составе первых преобладали великороссы, а в 2-х последних — украинцы, поляки и „инородцы“, т. е. различная боеспособность армий. Несравненно большей боеспособности, в сравнении с великоруссами, отличались украинцы, поляки, татары и прочие „инородцы“.

Какой высокой боеспособностью отличались чисто национальные войска, где не было и признаков великороссов, показывают казацкие войска.

Высокая боеспособность у них была как в коннице, так и в пехоте (у кубанских пластунов).

Даже уже во время войны созданное национальное войско — латышские батальоны — обнаружили очень высокую боеспособность. Эти национальные войска — казацкие, латышские не знали ни добровольной сдачи, ни дезертирства.

Во время разложения русских армий в 1917 г., одной из причин которого была „потеря нервов“, наибольшую устойчивость обнаружили как раз не великороссы, наоборот с них то и началось разложение.

Дезертирство началось с них — стремление в тыл „для дележки“ земли было психологическим самооправданием дезертирства, а не его причиной.

Выявление более высокой боеспособности разными национальностями в сравнении с великорусской являлось следствием особого своего внутреннего содержания у каждой, наличия особых качеств, а не содержания общероссийского; его не было и не могло быть у них, если не было его у „русского народа“ по преимуществу, т. е. великорусского.

Опыт войны Великороссии под водительством Соввласти в 1918—20 г. с окраинами бывшей России дает ту же картину. То, что Совроссия одержала победу над окраинами бывш. России, не должно нас смущать.

Причинами нашего поражения было то, что главный противник Москвы — Украина в 1918 г. была оккупирована германскими и австро-венгерскими войсками, а в 1919 г. в большей части оккупирована Доброармией. Украина не могла соорганизоваться и выявить необходимой мощи. Но и в этой войне украинские части на каком бы фронте они не были, показали более высокую боеспособность, чем великороссы.

Даже импровизированные украинские части Махно, не уступали добровольч. частям. Одной из главных причин поражения окраин было и то, что они в территориальном отношении не представляли национального единства; они были разбавлены великоруссами.

Буржуазия, интеллигенция, рабочий класс (вообще городское население) принадлежали к великорусской национальности и были союзниками и пособниками или Соввласти или Доброармии, но не национальных сил. Какова была боеспособность юго-восточного казачества, видно из того, что имея около 3¹/₂-4 м. населения, оно вело вооруженную борьбу в течение 2-х лет против 70—80 мил. не исчерпав своих сил до конца, чему воспрепятствовал союз с Доброармией, — разложение их ее политикой и тылами Доброармии.

Дезертирство в великорусских частях достигало исключительных размеров. Больше и высокой при том боеспособностью отличались части инородческие.

Конница красная была создана не благодаря наличию остатков 60 кавалерийских полков, а благодаря присутствию на стороне красных украинского населения*) и красных казаков. Появление казаков на стороне красных было таким же противоестественным явлением, как и блок казачества с Кадетской партией в 1917 г. и союз с Доброармией, — и было прямым следствием этого блока и союза.

Невысокие качества обнаружили великороссы и в Русско-Польскую войну 1920 г.

Различные национальности, территории которых уже были оккупированы Сов. Россией, участвовали в этой войне, но идеологическое, моральное и психологическое состояние этих национальностей, оказавшихся в состоянии подневольных, было не таково, чтобы они могли вывить присущие им боевые качества.

Не было мотивов для выявления своих боевых качеств и у казацких частей, предательски оставленных Деникинским на кавказском побережье при Новороссийской эвакуации и переброшенных большевиками на польский фронт. Но все же и на этот раз части, как раз не принадлежавшие к великодержавной (великорусской) национальности, оказались наиболее устойчивыми, менее подвергавшиеся разложению при отступлении после поражения.

*) Буденный и Думенко — украинцы Донской области.

(Окончание следует).

Д-р С. Федоров.

Переяславский договор 1654 г. и Донские статьи 1671 года.

(Окончание)*).

Вопрос о договоре 1654 г. между гетманом Хмельницким и царем Алексеем Михайловичем находит самое разнообразное освещение в научной литературе.

Проф. Коркунов, Грушевский, Мякотич — определяют юридическую природу его, как вассальную зависимость; Розенфельд — неполную инкорпорацию; Дьяконов и Попов — реальную унию; иные, в том числе проф. Сергеевич и акад. Филиппов — персональную унию и т. д.

В грамоте царя к гетману Богдану Хмельницкому сказано, что Украина принимается под его царя „высокую руку“ и обязывается служить ему и „наследникам нашим“. (Ничего подобного в донских статьях 1671 г. мы не находим).

В этом большинство и склонно видеть всю суть договора.

Инкорпорация подразумевала бы полное присоединение Украины к Москве, как провинции. „При инкорпорации“, говорит проф. Коркунов, „государства соединяются между собою так, что одно безусловно подчиняется другому,“ то же самое говорит и проф. Алексеев. Это — обычный способ завоеваний чужих земель, широко практиковавшийся во все времена человечества,

а Россию в особенности; проф. Коркунов считает, „что каждое завоевание есть народное дело, приводящее к объединению завоеванных областей в одно государство.“

Таким образом, Украина не может быть названа инкорпорированной, потому что в ее „слиянии“ с Москвою отсутствовал элемент принудительности, здесь имел место вольный договор и Украина сохранила свое государственное устройство, которое не было установлено для нее Москвою, пишет проф. Лашенко.

По этой же самой причине нельзя говорить и об обыкновенной автономии. Во всех случаях сохранения в присоединенной территории автономии или пожалования ей „сверху“, как бы она ни была широка, автономная провинция осуществляет власть не по собственному титулу, а по поручению государства, которое передает ей часть этой власти.

И Украина и Дон, которые сохранили все три составные части государственного устройства: территорию, власть, законы и даже (хотя и ограниченное) право международных сношений — не могли быть присоединены, как автономные провинции.

Акт соединения Украины с Москвою не был и актом федерации, ибо эта последняя предусматривает создание постоянной общесоюзной власти, осуществляющей

*) См. № 13 журнала.

свое право на союзных территориях, независимо от власти каждого государства; такой власти по договору 1654 г. создано не было.

Тем более не была Украина и Москва союзом держав—конфедерацией, в которой каждый член сохраняет свою независимость, а дела общего характера решаются с'ездом уполномоченных, какового по договору 1654 г. установлено тоже не было.

Некоторые ученые определяют установления Переяславского договора, как вассальную зависимость на том основании, что гетман Хмельницкий входил в подчинение царя московского, отбрасывая идею равенства договаривающихся сторон.

Проф. Лашенко находит этот взгляд не выдерживающим критики уже потому, что в основу статей 1654 г. были положены пункты, выработанные Хмельницким, как представителем независимой от Москвы и равноправной, самостоятельной державы, каковою фактически являлась Украина в период переговоров, да и сам гетман именовал себя „самодержцем“; именно поэтому он настаивал, чтобы все „права и вольности“ были утверждены царем грамотами за печатями и чтобы царь присягнул на них.

Гетман и полковники требовали от московских чиновников присяги за царя, а отказ от этого требования чуть не повел к серьезным осложнениям между гетманом и Москвою. И если Москва уклонилась от принесения присяги, то ее поведение не может подрывать юридического значения договорного акта.

Вассал, зависимый от сюзерена, да еще такого, как Московский царь, бывшего тогда пугалом для всех европейских государств, никогда не решился бы на такие требования: их мог поставить только равноправный контрагент, и, в конце концов, мы знаем что на Украине все были уверены, что присяга была принесена царем.

Некоторые из ученых, как напр. акад. Дьяконов, считает, что Украина соединилась с Москвией на основании реальной унии; этот вид государственного объединения предусматривает общий закон о престолонаследии и общего главу государств; кроме того, их могут объединять и общие установления.

В грамоте царя действительно говорится, что Украина учинила „веру на вечное подданство“ государю и наследникам его, но, так как закона об ощем престолонаследии выработано не было и общих установлений не создано, то и нет оснований предполагать об реальной унии, как говорит проф. Лашенко, да и нет оснований перекладывать центр тяжести из договора в самую форму грамоты.

Проф. Сергеевич и акад. Филиппов полагают, что Украина, фактом признания царя, соединилась на началах персональной унии, вследствие избрания Алексея Михайловича с его наследниками.

Разница этого вида унии с реальною заключается только в том, что особа монарха может быть совершенно случайная (или в его лице, или его рода) и прекращается тогда, когда прекращается существование монарха или его наследников, общего закона о престолонаследии здесь не требуется.

По этой конструкции, связь Украины с Москвою должна была бы распасться с момента отречения в. кн. Михаила Александровича в пользу народа, и некоторые из украинских ученых признают это положение.

Проф. Коркунов не соглашается с выводами Сергеевича на том основании, что на Украине особа правителя в лице гетмана оставалась и по соединении. Но история знает много примеров, когда при соединении двух держав, правитель одной из них признавал „моральное главенство“ другого, оставаясь фактическим владельцем своей страны; так были, напр., в Литве Витовт—как вел. князь, а король польский Ягайло именовался „верховным князем“.

Проф. Лашенко находит, что Сергеевич ближе всего подходит к истинной сути Переяславского договора, но эта персональная уния имела особенный характер и не шла далее признания „морального авторитета“ царя, как военного и политического союзника гетмана — на основании договора царь не получил никаких юриди-

ческих прав, кроме права получения дани за оказание военной помощи.

В донском же случае даже и этот вид зависимости не имел места, наоборот — Москва за военную помощь Дона, доставляла ежегодное вознаграждение наличными деньгами и припасами, прекращая его выдачу тогда, когда Дон не выполнял принятых на себя, и то не формально, а морально, обязательств.

И именно в этой сущности договорных пунктов, а не в самой грамоте, есть центр тяжести, ибо Украина и после 1654 г. „осталась самостоятельным государством, со своим особенным устройством, войском, законодательством и правом международных сношений,“ говорит проф. Сергеевич.

И хотя эта уния не была настоящей унией с точки зрения голых теорий международного права, все же она более близка к истине, чем протекторат и вассалитет.

Г. Сватикову часто ставят в упрек ненормальность построения классификации зависимости Донской республики от Московской монархии; такой же упрек может быть дан и проф. Сергеевичу.

Конечно, нормальная уния заключается между монархиями, а не между монархией и республикой, но мы знаем примеры, когда связи такого рода существуют, напр.: Королевство Итальянское и республика Сан-Марино, Республика Французская и Княжество Андорра.

„Уния“ Украины — республики, с автократичною Москвою была безусловно неестественною, и если этот термин и употреблялся, то только в относительном значении.

Путем признания „морального авторитета“ царя и даже „морального верховенства“, Богдан Хмельницкий пытался создать „легальную форму отделения Украины от Польши; в то время при строительстве Украинской державы, Переяславский договор был необходим“, говорит проф. Лашенко. Выбор у него был очень ограниченный: султан, король и царь и выбор упал на „царя одноверного, православного“.

Признание авторитета царя вынуждало гетмана координировать внешнюю политику в соответствии с интересами Москвы — право сношений признают за гетманом и Сергеевич, Филиппов, Коркунов, Дьяконов и др.

Однако это признание не могло не создавать у московских правителей представления и о юридическом верховенстве; за Москвою в этом отношении были уже крепкие/традиции. Поэтому то гетман и выговаривал установление определенных границ „верховенства“, и попытки Москвы перейти их вызвали разногласия Богдана и открытые вооруженные конфликты гетманов Выговского, Дорошенка, Юрия Хмельницкого, ибо между политическим мировоззрением Москвы и казаков была громадная пропасть.

Те же самые основания лежали и в мировоззрении Донского казачества, ибо как же объяснить лояльность Войска в отношении особы монарха и неподчинение его воле при расхождении политики Москвы и Дона, что так резко выражалось и после присяги, с 1673 года до подавления Булавинского отпора, хозяйничанью Москвы на войсковых землях.

Ясно было, что цари смотрели на Украину и казачьи Земли как на свою „отчину“, и это было не единичное явление. Вел. кн. московский Иоанн, в конце XV в. смотрел на пограничные литовские города, как на свою „отчину“, а царь Иван Грозный считал своею „отчиной“ Киев, Смоленск, Тмутаракань, хотя они лежали вне его владений. По выражению Ключевского: „Москва смотрела на воссоединение Украины с традиционно-политическим взглядом собирания Земли Русской,“ но открыто наложить руку на свою „вотчину“ царь не мог решиться по мотивам политическим (в правление Богдана Хмельницкого). Царь не менее, чем и Хмельницкий, нуждался в военном союзнике; для иллюстрации достаточно только вспомнить о всех тех проделках и непослушаниях, которые допускало Донское Войско в отношении Москвы, почти безнаказанно, именно потому, что Дон для Москвы был необходимым и незаменим.

Москва постепенно, но верно прибрала к рукам Украину, как и Казачество, однако, давая грамоту, царь утверждал постатейно те самые „права и вольности“

почти без изменений, какие были поднесены Хмельничкам.

Политические выгоды для Москвы от соединения с Украиной признают и российские исследователи этого акта.

Понимая это, Богдан Хмельницкий, образованный политик и дипломат того века, не мог отдавать Украину „без всяких условий“, на волю самодержца, не для этого он освободил ее от „королевского маестата“, конечно, менее грозного, чем самодержавие царя. Ясно, что идея политической независимости Украины и под „протекцией“ царя в представлении гетмана и его правительства, да и целого Войска Запорожского должна была оставаться непоколебимой, говорит проф. Лашенко.

Идея эта жила в то время — часть Украины отказалась присягать царю, Киев и киевское духовенство, во главе с митрополитом, присягнули под страхом смерти, несколько полков совсем не присягали, в двух полках московских представителей киями побили, а на Сечь Запорожскую даже не отважились послать их для приведения к присяге — там царил такой же взгляд на присягу и „служебные“ отношения к Москве, как и на Дону в 1632 г., когда последний наотрез отказался принести присягу, даже после репрессий за убийство московского посла Карамышева.

Если бы идея „зависимости“ была для Войск приемлема в то время, то Москве не пришлось бы приложить столько усилий для подчинения себе Казачества рядом долгих лет упорной борьбы.

Войска ревниво охраняли свой внутренний строй; признавая верховный авторитет личности московского монарха, они фактически были в положении добровольного союзника. Курляндец Рейтенфельс, пользовавшийся расположением царя, в написанном им в 1670 г. серьезном труде о Московии, так и определяет взаимоотношения Москвы и Казачества.

На Дону в 1648 г. едва не повторилась Карамышевская история с Лазаревым; начальником драгунского вспомогательного отряда, попробовавшего пренебречь традициями, или вернее, законами Войска — для его казни уже была выдана в Кругу „войсковая сабля“ и посланы есаулы приволочь туда царского посланца за ноги.

Присяга 1671 г. не изменила воззрений широких масс Донского казачества: Главному Войску не раз приходилось посылать увещательные грамоты в верхние городки и после присяги, о выполнении ее пунктов — казачья жизнь решительно отвергала московскую дипломатию.

Возвращавшийся в 1673 г. из Москвы атаман Зимовой станицы Фрол Минаев боем разогнал и разграбил московскую заставу на Коротояке, попробовав голывы страже — за то только, что чины ее осмелились пытать задержанного под защиту станицы беглого, и строгая Москва написала Войску, „чтобы оно учинило в г о в о р и заказ крепкий, чтоб впредь атаманы, которые в дороге, так не дуровали.“

■■■■■■■■■■

Мих. Минаев.

Очерки по истории аграрного законодательства в Земле Войска Донского.

VII.

Для кочевья калмыков предназначены в исключительное их довольствие земли Задонской степи с условием, чтобы калмыки пользовались отведенными землями по примеру прочих казачьих станиц и из пределов их не выходили.

Для конских табунов отведена земля в Задонской степи.

Войсковому Правлению закон вменяет в обязанность ежегодно доносить Правит. Сенату о всех изменениях в земельном довольствии Войска Донского, происшедших за год.

Положение об Управлении Войска Донского 1835 г.

Позже, даже после принесения первой формальной присяги на подданство, при вступлении царя на престол, Дон отказался поддерживать военные предприятия Москвы на берегах Азовского моря и помогал противнику Москвы, польскому королю Яну Собесскому.

Запорожская Сечь, в силу внешних обстоятельств и макиавелиевской политики Москвы, проводимой внутри Коша, присягнула вместе с Доном в 1676 г., но и позже, даже при Петре I, оба Войска открыто выступали на оборону своих исконных прав, не дарованных прав, как „милостей“ волею монарха, а природных, — возникших путем формации самих республик Вольного Казачества.

Почти одновременно на горизонте XVIII в. появляются два последние могикане Вольного Казачества — кошевой Кость Гордиенко-Головко и донской атаман Кондратий Булавин; полные непоколебимого сознания прав своих Войск, они не убоялись открыто требовать от Москвы ликвидации правонарушений и, не добившись справедливости, взялись за оружие.

В их военных действиях, действиях не бунтарей, а уполномоченных Войсковыми Кругами и Радой атаманов, сказалось понимание Вольным Казачеством правных отношений с Москвою — вооруженной рукой восстанавливая Войсковые границы и поправленные права, атаманы остаются лояльными к особе монарха.

Посылка в Москву грамоты Булавиным, по восстановлению им правового порядка на землях Войска, с извещением о прекращении военных действий выражает мирозерцание Вольного Казачества.

Другое дело, как посмотрела Москва и как она огнеслась к восстановлению Войсками своих прав.

В 1708 г. на Дону были уничтожены все городки по Иловле, Медведице, Хопру, Донцу с его притоками и Дону сверху до Пятиизбянского. Войско потеряло 50% населения.

Через год Сечь Запорожская была уничтожена до основания, а Войско Низовое — вытеснено на Крымские земли.

Но здесь у Москвы действовало уже не право, а сила. Оно и понятно: столкнулись монархизм и демократия, самодержавие и республика, одно другое взаимно исключают; ясно, что уступить должен был тот, кто был слабейшим — Казачество оказалось в проигрыше и пострадало от грубой силы. Однако и железную кулаку Петра не удалось сломить его окончательно; покоренному Казачеству было оставлено автономное управление — но уже волею монарха. Несмотря на последующие ограничения Войск, правовое самосознание Казачества никогда не умирало и ярко вспыхнуло в годину последней великой революции.

Казачество и „царизм“, монарха ли или господствующей нации — несовместимы, и это нужно твердо помнить всем тем, кому дороги идеалы Вольного Казачества.

было несколько раз изменяемо и дополняемо в отдельных своих частях.

В отношении земель донских чиновников в 1836 году был издан закон, обязывавший их продавать свои имения только лицам войскового происхождения.

С 1858 г. (10 апреля) надел чиновников Войска Донского пожизненными участками прекращен, и вместо этого беспоместных и мелкопоместных чиновников Войска велено наделять участками срочными, — для доставления им средств к собственному содержанию, или взамен пенсии отставным. Размер одного участка — 200 десятин; срок пользования — 15 лет, возобновляемый по истечении на новый следующий 15-и летний

период. Приобретать от Войска участки в потомственную собственность, продавать, закладывать и завещать на случай смерти запрещено (прим. 4 к ст. по прод. 1863 г.).

Законом 1868 года было отменено ограничение права донских помещиков продавать имения лицам войскового сословия.

По случаю 300 летнего юбилея Войска Донского, срочные офицерские участки были обращены в полную собственность чиновников — „Положение, об обеспечении генералов, штаб и обер-офицеров и классных чиновников Донского Войска“, утвержденное 23 сентября 1870 года и объявленное в день празднования 300 летия, 6 мая 1870 года.

По этому положению были переданы в потомственную собственность срочные земельные участки тем лицам, которые ими владели, или имели право владения ими до 1870 года. Положение отменило раздачу в дальнейшем земельных участков чиновникам за выслугу лет, заменив вознаграждением денежной пенсией.

В отношении земель юртов, принадлежащих станичным обществам, в дальнейшем произошли следующие изменения. В 1869 г. 21 апреля было утверждено „положение о поземельном устройстве в казачьих войсках“, по которому земли, отведенные станичным обществам, признаны состоящими во владении станичных обществ, а не в собственности. Положением был обеспечен 30-и десятинный пай каждому казаку, в виду того, что ему приходится снаряжаться за свой счет. Но закон фактически малоземелье в казачьих станицах не устранил, и в последующее время вплоть до 1918 года Донское Войско постоянно ощущало недостаток в земле, все более возрастающий. Это малоземелье и нужда в прирезке юртовой земли для справедливого и надлежащего наделения были признаны самим положением, которое с этой целью предписывало уменьшать постепенно надел калмыкам, пока последний не достигнет 40 десятин на душу м. п. Чиновникам Войска, записанным в станицах; положение 1869 г. давало право на пай с целью дать им средства к жизни, сблизить их с казаками. Причты станичных церквей получили право на участки (в 300 десят.), прирезываемые к станичным юртам из войскового запаса.

3 июня 1891 года было утверждено „Положение об общественном управлении станиц“, введенное на Дону с 1 января 1892 года. Законом установлен контроль со стороны высшего начальства над земельным хозяйством станиц. Областное Правление утверждает приговоры сборов, касающихся распределения земли между поселениями, входящими в состав станичных обществ. „Не лишая общество права распределять земельное свое довольствие между членами о-ва по своему усмотрению“, закон разрешает казакам передавать свои пай на срок не больше года другим лицам. В отношении неисправных и расточительных закон предоставляет станичному обществу право ограничения их в пользовании паем на известный срок с передачей его в руки станицы.

По вопросу внутренней колонизации (образование новых станичных юртов) были изданы следующие законы.

В 1873-м году последовало повеление об образовании новых станичных юртов. С 1874 г. по 1886 образовано было 6 новых станичных юртов. В 1898 году Военный Совет установил правила, определяющие порядок отвода земельных наделов для станиц, вновь населяемых. На основании положения о распределении свободных войсковых запасных земель для нужд малоземельных станиц и о порядке заведывания ими, в 1910 году были организованы и открыли свои действия Войсковой и 7 окружных земельных советов (Черкасск., 1 Донск., 2 Донск., Донецкий, У.-Медведицкий, Хоперский и Сальский). С 1 сентября 1910 года в результате деятельности земельных советов образовано, открыто и населено 4 новых станичных юрта (станции Таубевская, Краснощековская, Цесаревичская и Орловская) и 22 отдельных хуторских довольствий в Донецком, 2 Донском и Сальском округах с общей площадью в 268428 десятин всей земли. Кроме того войсковым земельным советом прирезано к юртам старых станиц из войско-

го запаса и земли купленной у частных владельцев всего до 1915 года 12743 десятины.

В 1877 году 22 февраля были изданы правила о надзоре и охране станичных лесов. Том VIII ч. 1 кн. 4-я — С. З. — о лесах казачьих войск). Согласно этих правил все леса, отделенные в собственность Донскому Войску, составляют неприкосновенное войсковое имущество и не могут быть ни под каким видом отводимы в чье либо частное владение.

Войсковые леса предназначаются исключительно для нужд станиц, не имеющих в своих юртах строевого леса. Станичные леса, составляя общественную собственность станиц, не могут ни подлежать разделу на пай для наделения ими жителей станиц (за исключением мелких лесных куртин, расположенных между зем. наделами), ни быть передаваемы в целом составе, или по частям, в чье либо владение или собственность. Для удобства управления и надзора вся лесная площадь разделена на 7 лесничеств, подчиненных лесной части при Областном Правлении, во главе которой стоит Областной Войска Донского лесничий.

Лесоразведение в Земле Войска Донского имеет своей задачей увеличение площади войсковых лесов с целью обеспечения населения лесным материалом, для чего учреждается в Черкасском окр. Донское степное лесничество. Кроме того повелено учредить лесничества Атаманское, Манычское, Сальское и Быстрианское. Лесничество, кроме главной своей цели, имеет своим предметом служить центром и образцом лесоразведения на юге области и содействовать распространению в этой области древоводства. Под лесничество отвести предписано 1000 десятин и 200 десятин на нужды персонала и питомник, с обязательным ежегодным залесением $\frac{1}{25}$ всей площади.

В 1888 году был учрежден Войсковой Плодовый питомник, при станции „Персияновка“ Ю.-В. ж. д., под который было отведено 130 десятин войсковой земли, а потом была открыта Арчадинская низшая лесная школа.

К 1-му января 1914 года в 149 войсковых лесных дачах было 105867 дес. лесу. Местное управление было возложено на лесничих, для чего дачи лесные разделены на 16 лесничеств.

Участок, предназначенный для частного коннозаводства в Задонской степи имел 801871 дес. Согласно правил о довольствии частных конских табунов на войсковой земле Войска Донского (прил. к ст. 226 по Прод. 1863 г.), чиновникам и казакам Войска была предоставлена полная свобода довольствовать свои табуны и заводить зимовники на одинаковом праве, за исключением калмыков, получив. для целей коневод. пространные места в Задонской степи. Земля отводится для временного довольствия табунов в виде войсковой оброчной земли с уплатой в войсковую казну за зимовник на 500 лошадей — 75 р., на 1000 лошадей — 150 р., на 1500 л. — 225 р. и на 2000 л. — 300 р. (по 15 коп. с каждой лошади). За пригоняемые табуны на временные попасы хозяева платят Войску ежегодно по 15 коп. с каждой лошади, исключая жеребят под маткой и меньших 1 года. Зимовники установлены 4 разрядов на 500, 1000, 1500 и 2000 лошадей. Табунная Задонская степь разделяется на два раздела — один для зимовников, а другой для общего попаса. Зимовники должны быть отводимы по берегам Егорлыка, Егорлыцкого Лимана, Маныча, а также по водоточным балкам и речкам. Под зимовник на 500 лошадей отводится 1,5 вер. по водотоку и 8 верст по степи (1,5×8 в.); на 1000 — 3×8 в.; на 1500 — 4,5×8 в.; на 2000 л. — 6×8 вер.

Арендаторам зимовников предоставляется право косить сено на своем участке, রাখивать определенную часть участка, заводить постройки и держать скот в ограниченном количестве.

В 1877 году были изданы новые правила об аренде Задонской степи. Срок аренды был продолжен до 1 января 1901 года. По окончании этого срока Военное Министерство заявило о необходимости оставить Задонские степи в аренде у коннозаводчиков, так как лошади нужны для (нужд) ремонта регулярной кавалерии. Аренда была продолжена на 12 лет в западной части

Задонской степи и на 24 года в восточной части и 28 сент. 1901 года были утверждены правила о донском частном коннозаводстве. Согласно этих правил коннозаводчики платили в войсковую казну по 3 коп. за десятину, а казна, кроме того, приплачивала Войску по 67 коп. за десятину (всего 538000 рублей в год). Всего в Задонской степи отведено для частного донского коневодства 334844 дес. в западной части степи, 427456 дес. в восточной части и 167119 дес. для калмыцкого коневодства.

С 1844 образован войсковой конский завод, занимающий площадь в 20901 дес. Цель завода поддерживать и улучшать коневодство в Земле Войска Донского путем снабжения жеребцами станичных конно-плодовых табунов.

Станичные конно-плодовые табуны имеют целью приобретение годных для строя лошадей и для укомплектования частей в военное время. Всего отведено под попас табунов на станичных юртах (данные 1914 г.) 232051 десетина.

Конно-стрелецкие станичные табуны были учреждены для сбережения казачьих лошадей льготных частей и приговорительного разряда в летнее время. Занимали площадь в 102073 десятины. Этот вид коневодства был упразднен.

Крестьянство на Дону, закрепленное за донскими помещиками в конце XVIII в., по зак. 1835 г. не получило ничего.

Освободительная реформа 1861 г. распространялась также и на донских крестьян, водворенных на землях помещиков и на дворовых людей. На них распространялись правила, постановленные в общих положениях о крестьянах и дворовых людях, вышедших из крепостной зависимости, и в местном положении о поземельном устройстве в губерниях новороссийских, изложенном в дополнительных правилах для Земли Войска Донского. (Закон о Состоянии, Осбое приложение к т. IX Зак. о состоянии VIII дополнительные правила о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости в Обл. В. Дон.).

В вопросе о наделении крестьян землею и прочими угодьями на Землю Войска Донского распространялись установленные для новороссийских губерний положения для 3-ей полосы. Нормы наделов были установлены следующие: 3 десятины (часть Черкасск. окр., Ростовский и часть Миусского); 3,5 десятины (часть Черкасск., Донецкий, часть Миусского); 4 дес. (Хоперский и Усть-Медведский окр.); 4,5 дес. (1 Донской, 2 Донской окр.).

Дворовым людям в обл. В. Дон. сверх льгот, вообще дворовым людям предоставленных, дозволено было еще, по прекращении обязательных отношений к помещикам, записываться в казаки, с разрешения станичных обществ.

На Донских крестьян распространялись вполне действия Положения (1861 г.) о выкупе усадебной оседлости вышедших из крестьянской зависимости крестьян и о содействии правительства к приобретению ими в собственности полевых угодий.

За указанную поземельную норму (3, 3,5, 4, 4,5, дес. на душу) установлен был оброк в размере 8 рублей за каждый надел независимо от района; при чем крепостные, состоявшие у помещиков на издельной повинности, обязаны были в замен этой суммы работать в году законное число рабочих дней (36 пеших муж. и 27 жен. дней в году).

В 1861 году на Дону было помещичьих крестьян: дворовых 13558 душ муж. п., барщинных (издельных) 85993 душ п. м. и оброчных 2555 душ. Всего было освобождено от крепостной зависимости около 300.000 крестьян.

Согласно ст. 15 дополнительных правил о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости в Обл. В. Дон., на мелкопоместных донских владельцах распространяются все права, предоставленные мелкопоместным владельцам великороссийских губерний, — посему они имеют право, в случае заявления ими о желании обратит временно обязанных крестьян своих с их надеждами в казну, на получение суммы, капитализованной из 6% годового оборота причитающ. по положению с крестьян; при чем означенное пособие производится из запасных войсковых сумм.

14 марта 1862 года были изданы дополнительные правила о переселении бывших крепостных крестьян, не зависимо от их согласия, с юртовых станичных земель из одних округов в другие, если это будет признано необходимым со стороны начальства при обмежевании земель согласно инструкции, данной Межевой Канцелярии в 1836 году.

Донские крестьяне, оставшиеся до 1 января 1882 года в обязательных отношениях к помещикам, переведены с оброчной (или издельной) в пользу помещика повинности на выкупные платежи и причислены к разряду крестьян собственников с 1 января 1883 года.

Землеустройство крестьян на Дону началось с 1907 года учреждением землеустроительных комиссий — Областной и 4 окружных (в округах Ростовском, Таганрогском, Донецком и У.-Медведицком). В 1912 году учреждена еще одна окружная землеустроительная комиссия в Хоперском округе. Целью работ комиссий по землеустройству было содействие крестьянскому поземельному банку в ликвидации его земельного фонда (84197 десятин).

По закону 29 мая 1911 года землеустроительные комиссии получили право удовлетворять ходатайства о землеустройстве крестьян на отрубных и хуторских участках (купленных и надельных), а также и лиц иных сословий, владеющих участками, не превышающими норм, для покупки земли при содействии Крестьянского Поземельного Банка.

Иногородними на Дону считались — российские подданные, приписанные к разным губерниям и проживавшие временно в Земле Войска Донского. Они приходили на Дон с целью занятия ремеслами, торговлей и др. промыслами; кроме того они часто занимались хлебопашеством, для чего арендовали землю у казаков. Число иногородних в XVIII и первой половине XIX в. было сравнительно невелико. После освобождения крестьян от крепостной зависимости класс иногородних на Дону начинает расти и к началу XX столетия достигает более 300000 душ обоюго пола.

В 1861 году им было разрешено строить и приобретать жилые и торговые постройки без права на землю. Законом 29 апр. 1868 года было предоставлено иногородним (русским подданным не войскового сословия) приобретать в собственность на общем основании дома и другие строения; но земли при этом должны оставаться собственностью прежних владельцев (город. и станичн. о-ва). Таким образом земля была во всегдашнем пользовании купившего за определенную посаженную плату. Возведение новых построек было связано с предварительным разрешением владельцев земли.

Оседлость на Дону давала иногородним право пользоваться общим выгоном для домашнего скота.

В 1870 году было издано Положение об общественном управлении, по которому иногородним было предоставлено право пользования станичными пастбищами и сенокосами с промышленными целями с разрешения станичных обществ за особую плату.

Из общественных обязанностей на иногородних были возложены — постоянная, содержание дорог, мостов, переправ, оплата станичной почты.

Всем, кому для ознакомления бесплатно высылался журнал и кто — и не внес подписную плату, и не сообщил редакции о своем желании получить в дальнейшем журнал за неимением средств бесплатно, высылка журнала, по причине огромного спроса и неостачи печатаемых экземпляров, будет прекращена.

Печать о Вольном Казачестве.

„Путь Казачества“ начал (32, от 15 июня с. г.) фабрикацию „писем односума“, направленных против „В. К.“ Так как „односум“ сам чистосердечно признается в первом же своем письме (а обещаны письма и дальше), что „запутался — ум за разум зашел“, то мы подождем пока он „распутается“, а не распутается, — тоже беды большой и убытков никому никаких не будет. Пошли, Господи, „П. К.“ и дальше такого бесталанья!

В том же номере помещено „письмо в редакцию“... ревизионной комиссии Братиславского хутора от 13 июня, препровождающее постановление хуторского сбора от... 25 марта, направленное против „В. К.“ — Странное немного письмо: прежде всего какая большая разница дат — 25 марта и 13 июня, а потом: почему же такие письма „пишет“ ревиз. комиссия. Все ли в этом „письме в редакцию“ в порядке?

До сего времени никто, кажется, не знал „казачьей программы“ П. Н. Милюкова. Его однопартиец В. А. Харламов выкинул лозунг „демократической федеративной Российской республики и свободного казачества в ней“, но „лидер“ упорно молчал. Гадали казаки: раз П. Н. говорил иногда о федерации, то, значит, и нам

— казакам — федерация. Не тут то было. Оказывается, федерация — это для других, о федерации можно говорить России с Польшей, России с Украиной, а Казачьим Землям хватит... автономии, с различными оттенками автономизма. Вот послушаем, что говорят „Последние Новости“ в передовой, в номере от 17 июня с. г., посвященной „В. К.“, ген. Богаевскому и Н. М. Мельникову, да не только говорят, а утверждают, что

Позиция вытекающего из всей истории казачества демократического автономизма (при различных оттенках этого автономизма), соединенного с непреклонной верностью принципу целостности России, — до такой степени объединяет всю массу казачества, что... и. т. д.

Это, что называется, услужил. Здорово подвел Павел Николаевич Василия Акимовича!

„Откровение“ „П. Н.“ лишний раз подтверждает высказанную однажды уже нами мысль, что не народились еще и те русские люди, которые бы пошли даже на Харламовскую „федерацию“. Одинок В. А. со своим „П. К.“ не только среди казачества, но, оказывается, и среди российской эмиграции, т. к. даже прямое партийное начальство и то не разделяет его „платформы“.

Думы и мысли казачьи.

Слуги.

„Казак есть слуга Государя и Отечества, защитник их от врагов внешних и внутренних“ — вот что при поступлении в свою станичную школу в первую голову заучивал, со слов инструктора, каждый из казачат.

Почему же унижительное „слуга“ внушалось упорно казачу со школьной скамьи?

Раз казак был „слуга“, то значит был и барин. Вот этот то барин и хотел, чтобы казака чуть не с пеленок воспитывали в роли слуги.

Дальше инструктором объяснялось, кто называются врагами внешними, и потом врагами внутренними: бунтовщики, студенты, грабители, воры и вообще „лица, нарушающие порядок в нашем государстве“.

Все казаки прекрасно помнят эту „словесность“. Система воспитания оправдывала себя: казак добросовестно служил.

Об этом свидетельствует Русская история, особенно 1905—6 годы. Великая Европейская война и в особенности ярко 1918—20 годы, когда Казачество почти поголовно жертвенно шло на борьбу, как против врага внешнего, так и против врага „внутреннего“, т. е. против всего русского народа, руководимого интернациональными проходимцами, пришедшими так легко на смену прогнившей и изжившей себя русской бюрократии, оказавшейся неспособной эволюционировать в духе времени и разумно управлять обширнейшим и сложным государством.

Все казаки, участвовавшие на всех фронтах войны лично убедились, что русский народ, в своей массе, не желает и не понимает освобождения от большевицкого ига. А когда быв. офицеры Русской армии, одни добровольно — за совесть, а другие вынуждено — за страх стали в ряды Красной армии, то они то и дали больше-

викам победу над Казачеством и выбросили всех белых борцов за пределы Родины.

Напрасно некоторые из „просвещенных“ русских демократов в эмиграции стараются убедить всех, что русский народ „любит“ Казачество. Казаков в этом теперь никто убедить не может. Как боровшиеся на фронте, так и оставшиеся в станицах старики, жены и казачьи дети, на себе лично испытали эту „любовь“ к себе разнузданного вооруженного русского мужика и рабочего, которые без суда и следствия расстреливали десятки, сотни и тысячи лучших казаков в каждой станице, оскверняли и жгли св. храмы, насиловали женщин и детей и разоряли до тла казачьи хозяйства. Скажут, что это делали китайцы и латыши. Но их было слишком мало в этих стаях саранчи, навалившейся на Казачество. На 99%, это был самый настоящий русский народ, который своей массой задушил Казачество. Можно ли после всего происшедшего говорить и о пламенной любви Казачества к русскому народу? А ведь входят же и „казачьи дипломаты“, которые от имени Казачества заверяют русскую эмиграцию и Европейскую общественность о беспредельной любви всего Казачества к Москве и к Русскому народу.

И вот что характерно: 2-хсотлетний царский гнет с Петра I оставил такой трудно-изгладимый след на Казачестве, что и теперь, когда нет государя, нет Отечества, нет России, а есть Коминтерн и СССР., даже и теперь некоторые из казаков не могут отрешиться от роли „слуги“ и продолжают по атавизму, подчас недомыслию, чаще из личных, реже из „общеказачьих“ побуждений, устраиваться на запятки любой Московской власти, кроме большевиков. Некоторые из усерднейших „слуг“ идут еще дальше и заявляют, что допустить раздробление Великой России они не могут и при отделении Украины и казачьих Краев они скорее станут в ряды Красной армии, которая-де теперь (по Дени-

кину) является оплотом Русской национальной чести и достоинства. Бывшим „вождем“ все теперь передано по наследству Красной армии и ей вот уже несколько месяцев поются дифирамбы.

Выходит, что для таких казаков интересы Москвы дороже и милее интересов своего-же Казачества, которое в СССР. планомерно уничтожается. Это рабское „непротивление Московскому злу“ молодому поколению казаков совершенно непонятно, его нельзя назвать даже христианским, оно трудно объяснимо.

Ведь во всем цивилизованном мире после Великой войны у всех угнетенных раньше народов пробудилась жажда к бытию, совершенно справедливое желание стать на собственные ноги, сбросив великодержавные путы поработителей и пойти своим собственным путем по пути прогресса и цивилизации, добыть своему родному народу-племени достойное место под солнцем.

И с какой энергией и любовью эти освобожденные народы приводят в порядок свои родные Край-государства, по своему вкусу, сообразно своим желаниям и бытовым особенностям. На деле доказывается давно известная истина, что силы удесетеряются, когда человек работает над чем либо своим собственным, родным и дорогим, на пользу себе и своим близким. И в то же время всем нам известно, как противна бывает „барщина“, работа для кого-то „делекого“, часто нелюбимого и даже ненавидимого, который издевался над твоими предками в течение веков, а теперь злостно уничтожает и потомство.

Спрашивается, да казаки ли по своему внутреннему существу эти московские подхалимы, старающиеся еще отсюда найти себе „барина“ и заранее пристроиться на привычные для них лакейские роли „чего изволите“ на запятках московской кареты.

Чем-же объяснить грустное некоторых казаков желание быть непременно „слугами“ у московского барина? На этот счет вспоминается давно прочитанное мною в детстве (что, кажется, и будет единственно-подходящим и справедливым ответом на этот мучительный психологический вопрос), о врожденных привычках — атавизме.

Ученые свидетельствуют, что во время великого переселения народов, когда произошло и великое смешение народов и классов, когда были порваны сплошь и рядом племенные и родственные узы, рабы и потомки рабов, легко распознавались при внезапном свисте бича среди несметных полчищ пленников. При этом происходило следующее: рабы и их потомки, по врожденной привычке-атавизму, падали ниц („чего мол изволите“). Они в первую голову и разбирались победителями. Победители хорошо понимали, что эти рабские натуры для них в доме и в поле наиболее подходящий элемент: они в первую голову выдадут им наиболее опасных из пленников, беспрекословно будут выполнять какие угодно прихоти, никогда не посмеют поднять руки на своего господина и никуда не посмеют убежать от него, т. к. не могут собой распорядиться, ибо не имеют своих желаний и воли (кроме воли своего господина) и в их убогом представлении не имеют своего господина, значит погибнуть сразу с голоду и холоду; „кто же мол обо мне, несчастном лакее, будет беспокоиться, кормить и поить, раз у меня не будет барина.“

Аналогичное явление происходит и в наш век — век пробуждения народов.

Беспочвенный и слишком запоздалый свист монархическо-деспотических идей наглыми устами пресловутого Маркова II, Бискупского, Кутепова и Ко, положил, среди русской эмиграции, на обе лопатки некоторых и из казаков. Наиболее лакейские натуры распластались перед Императором, другие перед „Верховным Вождем рус. народа“ и Марковской стенкой, третьи — перед великодержавной Московской демократией и четвертые — перед верховной волей Рус. народа „Богоносца“, достойно оправдавшего этот эпитет в дни Российской Смуты?

А главное упустили из виду эти лакеи всех рангов и оттенков, что „король-то ведь гол“, что никакой „воли“ у этого самого Народа (с большой буквы) нет, что не дорос он еще до „воли“, что в своей массе он еще раб потомственный, бывший татарский, потом помещи-

чий и теперь интернациональный. На наши заявления и утверждения, что русский народ поголовно ненавидит большевиков, Европейцы резонно отвечают, что раз беспринципная, безбожная и разбойничья Сов. власть до сих пор существует благополучно, значит она по нутру и по сердцу русскому народу и в подтверждение приводят древнюю мудрую аксиому: „Всякий народ достоин своего Правительства“, что по русски значит: „по Сеньке шапка, по болвану колпак“. И далее, европейцы логически продолжают, что если бы русский народ ненавидел свою власть, то давно бы оную сбросил. Но Европейцам незнакомо было 300 летнее татарское иго и потом 400 летнее помещичье, воспитавшее рабское поколение.

Ясно, что все вышеназванные группировки казачьей эмиграции по сути — лакеи, соперничающие перед будущим Московским барином.

• Казакам, истинным сынам воли, нужно хорошенько это выкинуть и понять, что со всеми ними Казачеству не по пути, и вот почему:

1. Правые (монархисты, всех группировок) частенько объясняются в любви своей „казачкам“, желая привлечь удобных слуг на свою сторону разными посулами, подчас угрозами расправы с непокорными, но по сути они ненавидят казачество за их „вольности“ и народоправство, присущее всему Казачеству, что противоречит идеологии монархизма. До сих пор они зло и намеренно травят Казачество, травят за „измену“ им в недавней войне, потому что казаки не оправдали их вождений и не посадили их, как страстно им хотелось, в свои поместья и вотчины, что не отбили для них обратно землю у крестьян. Особенно влетает „за измену“ Кубанцам. Но в этом случае говорящие это нагло лгут. Казаки не присягали ни правым, ни белым генералам и даже договоров на сей счет не заключали. Первым изменил Казачеству Русский народ во главе с III интернационалом, нарушив вековой договор — быт Казачества в составе Российского государства, освященный веками совместного государственного строительства. С той поры Казачество может и считает себя свободным от всяких договоров с русским народом, почему и стало на путь самостоятельного государственного бытия, воскресив у себя органы народоправства и Выборных Войсковых Атаманов. Смееют ли „белые“, „черные“ или „красные“ говорить казакам об измене?

Идеологи правых за рубежом (проф. Погодин в Белграде и др.) называют Казачество анахронизмом, пережитком истории и твердят о неминуемом уничтожении Казачества в будущей Российской Империи.

Они забывают о всем том, что в свое время сделали оно для России и в потере своей земли быв. помещики безрассудно обвиняют Казачество. Но пеняйте на себя, друзья. Из за вашей жадности и нежелания расстаться с частью своих благ и привилегий, вы сделали страшную передержку и как известнейший Русский историк Кизиветтер говорит, что перекрутив колесо истории в обратную сторону и затормозив нормальное развитие всех сторон русской жизни, вы сами довели до страшной катастрофы Империю, погубили корону Романовых и вместе с сим потеряли свои поместья, привилегии и блага. Эта истина теперь не требует уже доказательств и только нежелающие слушать уроков истории и близкого прошлого, еще намеренно стараются не понимать этого.

С монархистами Казачеству более не по пути.

2. Демократия зарубежно-русская отдает должную дань Казачеству, часто объясняется в симпатиях к нему, но тоже ревниво оберегает Московскую великодержавность. Даже самые либеральные из них говорят: „Про какие там вольности и привилегии казачьи“ толкуете? В будущей Российской демократической республике все будут равноправны и никому никаких привилегий не должно быть. Для нас не существует никаких различий между пермскими мужиками и терскими казаками. Все должно быть острижено под демократическую гребенку и все это решится в Московском парламенте по большинству голосов, по воле русского народа.

Но, как сказано выше, у русского народа нет своей воли, о чем свидетельствует сама Русская история. В 1613 году казаки посадили на Русский престол юношу Михаила Романова, а за переводом этой династии произошло „нашествие немцев“, самое горшее из всех русских бед, как свидетельствует проф. Кизиветтер. Достаточно вспомнить позорное междоусобице немецких принцесс, утопавших на престолах в роскоши и разврате и даривших направо и налево русское государственное достояние, землю и людей международным авантюристам за личные удовольствия. Вспомните позорнейший 1917 год, когда пьяный матрос Железняк по приказанию полутатарина — Ленина разгоняет долгожданное Российское учредительное Собрание. Это ли не всемирный русский позор? Это ли не доказательство отсутствия воли даже среди народных избранников, севших со всех концов необъятной России творить волю пославших их. Что они сделали в ответ на этот татарский жест Ленина? Дали достойный отпор этому насилию? Ничего подобного. Как потомственные рабы — пали ниц форменно. Это же был привычный свист бича. Я сам с омерзением переступал в этот же день через трепещущие тела „лучших представителей русского народа“, выгнанных из зала заседания и лежавших на улицах Петрограда во время поднятой матросами стрельбы. Тогда то я в первый раз и вспомнил прочитанное в детстве о рабском атавизме.

Правые хорошо понимают эту врожденную черту русского народа, так долго и упорно ими культивированную, и потому то они так жестоко нападали да и теперь нападают на представителей рус. демократии. Злятся, что интеллигенция и демократия отбили у них это покорное русское стадо и не сумев справиться и удерживать в своих руках этих „взбунтовавшихся рабов“, передали их целиком в деспотические лапы III интернационала, в руках которых это стадо является послушным орудием для осуществления безумных коммунистических экспериментов.

Значит в будущей Рос. Дем. республике вольнолюбивое Казачество должно будет снова служить и „охранять от врагов внешних и внутренних“.

Казачество никогда уже не пойдет на это.

3. О л е в ы х (большевиках) и говорить не приходится. Это заклятые враги Казачества, о чем свидетельствует последнее десятилетие разбойно-большевицкого владычества. С ними у Казачества борьба продолжится не на жизнь, а на смерть. Рано или поздно большевики не станут и верится, что это уже не за горами. Казачество задавить им не удастся. От некоторых благоразумных русов приходится слышать: „Россия или должна быть казачьей или никакой России уже не будет“. Сто с лишним лет назад Наполеон на острове Св. Елены сказал: „Россия рано или поздно потеряет Польшу, вряд ли удержит Финляндию и никогда не получит Константинополя. Сама Россия рано или поздно пойдет к черту по вине какого нибудь деспота, а Европа будет или республиканской или казацкой“. Проницательным гением Наполеона еще тогда Казачество было оценено по достоинству.

Если бы в свое время Правительство Российской империи обращало внимания на Казачество и подравняло по нему остальные русские губернии, то Великая империя не докатилась бы до страшной катастрофы 1917 года, не было бы места Интернациональной хамской власти и всех губительных последствий, связанных с нею: братоубийственной войны, уничтожения государственного имущества, веками нажитого, расстройств хозяйственной жизни страны и транспорта, понижения производительности во всех областях жизни, гибели миллионов населения во время небывалого голода в 1921-22 г. (по статистическим вычислениям с 1917 до 1926 г. нехватка до нормы достигает колоссальной цифры в 25 миллионов человек), растления молодого поколения и продолжающихся ежедневно бессудных расстрелов и казней несочувствующих этой проклятой власти, особенно в казачьих Краях.

Казаки теперь уже понимают, что в каком бы виде ни возродилась Российская власть, она неизбежно погубит Казачество. И тем из казаков, кто интересы Москвы и безвольного русского народа-раба ставит пре-

выше бытия и интересов Казачества и таким образом вольно или невольно (по недомыслию) продает и предаст Казачество, всякий истинный казак должен сказать: „Нам, Вольным Казакам, не по пути и с московскими слугами.“

Помните, казаки, что сила Казачества в нашем единении и только в организованной борьбе за свою самостоятельность Казачество приобретет право жить и устраиваться по своему собственному желанию, а не по московской указке, и только в этом случае Казачество будет спасено от окончательного уничтожения и быстрыми шагами пойдет к еще небывалому расцвету.

А иначе... гибель и конец Казачеству... а нам — нашему поколению, не пожелавшим и не сумевшим спасти Казачество, будет вековечное проклятие от нашего потомства.

В. Довгань.

Ловкость рук.

(Письмо в редакцию).

В журнале „Путь Казачества“ № 30—31 г. В. Дьяконов напечатал статью под не соответствующим содержанию заголовком „Долой маску“. В ней он коснулся и моего скромного имени, при чем мои недоуменные вопросы в журнале „В. К.“ № 11 он без зазрения совести превратил в слова, якобы являющиеся доказательством неустойчивости направления „В. К.“

На этом основании автор статьи, вместо серьезного ответа на мои вопросы, отделался несколькими удачными и неудачными шутками и... пошленьким шовинистическим выпадам.

В. Дьяконов (он-же В. Кундрюков, он-же В. Константиновский, он-же В. Т. Васильев, как сообщили мне из достоверных источников) в качестве опорочивающего мои добросовестные недоумения аргумента счел нужным указать, что я — калмык: экая новость, я и не делал из этого тайны, ведь я и подписываюсь своим полным именем.

Да, станичник Дьяконов-Васильев (двойная фамилия для точности), я — калмык, но калмык — донской казак, как и Вы, Дьяконов-Васильев. Верно, я состою в Союзе „Единство Казачества“, как и Вы в свое время состояли в нем.

Я заявляю: мне неизвестно, в чем предательство „В. К.“ и, полагая, что всякий простой казак может и должен „сметь свое мнение иметь“, я высказал, как мог, свое искреннее недоумение. Но значит ли это — пускать „туману и дурману“ для улавления простодушных? Уверяю что я никогда не был и никак не претендую быть „ловцом человеков“. Для меня совершенно достаточно и того, если меня не „словят“ действительно ловкие ловцы типа Дьяконова-Васильева.

Итак, что же говорит г. Дьяконов-Васильев в своей статье? И много и ничего. Много потому, что он ни на один мой вопрос не ответил, видимо потому, что эти ответы не в пользу защищаемого им положения-тупика.

Так и запишем: идеологи „П. К.“ в защиту своих идейных положений, кроме шовинистических выпадов, науськиваний и легких шуток ничего не могут сказать.

Но за то, оставив мои вопросы без ответа, автор статьи усердно занялся передергиванием. Он старается уверить читателей „П. К.“, что я в своей статье всех противников „В. К.“ зачисляю в ряды большевиков.

Мягко выражаясь, уверения г. Дьяконова-Васильева не соответствуют действительности.

Я говорил ... „до настоящего времени еще не было ни одной русской политической партии, искренно благожелательно к казачеству относящейся“. Говорил об одном русском ученом, из года в год предсказывающем падение большевиков и свое предсказание сопровождающим просьбой: не бить большевиков. Значит ли это, что я всех противников „В. К.“ причислил к большевикам?

Вероятно, сам журнал „В. К.“ ответит на счет пускания „больше туману и дурману“. Но мне хочется выяснить насколько „ясна“ позиция журнала „Путь Казачества“.

— Мы желаем самостоятельного казачьего государства, — ясно и определенно говорит „В. К.“

— Это преступление перед Россией, предательство казачьих интересов. Казаки никогда не стремились к самостоятельной государственной жизни, — отвечает „П. К.“

Позвольте, как же это так? Я в своей статье („В. К.“ № 11) приводил статьи Донской Конституции, Положения о Войсковом Круге и Текст Присяги, которые совершенно опровергают утверждение „П. К.“ Но, помимо этого, постоянный сотрудник „П. К.“ проф. С. Г. Сватиков в своем большом историческом труде „Россия и Дон“, изданном Донской Исторической Комиссией, председателем коей состоял редактор „П. К.“ В. А. Харламов, говорит: „С 1549-го по 1720-е годы Дон являлся государством и, одновременно, республикой. С 1720-х годов и до 1917 года Дон являлся провинцией России. С 1917 по 1920 год Дон снова становится государством, снова республикой“ (разбивка самого автора).

170 лет Донское Казачество жило, как самостоятельное государство, и, при первой же возможности, оно снова восстановило свое государственное бытие. А „П. К.“ утверждает, что Казачество никогда не стремилось к самостоятельной государственной жизни.

Но тут же „П. К.“ сам признает, что это Донское Государство было разгромлено Московским Правительством (физической силой) и противоречия своему вышеприведенному утверждению, с достоинством вопрошает ген. Краснова объяснить причины уничтожения Войсковых Кругов, лишения казаков права выбирать своих Атаманов, расхищения казачьей войсковой земли „толкими трудами, заслугами и кровью отцов — приобретенные и т. д.

Выходит, с одной стороны нельзя не сознаться, но с другой стороны нельзя не признаться. Позвоительно спросить: кто же тут пускает „туман“ и дурману“?

Ведь с точки зрения нынешнего Харламова, редактора „П. К.“, нужно прежде всего пригвоздить к позорному столбу прежнего Харламова вместе с Сватиковым, воскресавшего и вбивавшего в голову казачьей молодежи идею о Донском Республиканском Государстве.

Нормально, всякий учитель радуется успеху своих учеников. Но тут происходит обратное. Теперь казачьи старики из „П. К.“ говорят молодежи: мы вас учили, для этого много писали, говорили, вы же, блудные сыны, напрасно усвоили наше учение так, как мы писали, ибо на самом деле нужно было читать между строк. Вы преступники, ибо вы не научились быть такими эластичными, как мы, старики, потому что это дает возможность, смотря по обстановке, становиться на совершенно противоположные позиции...

Вот „грех“ и „страшное преступление“ казачьей молодежи.

— Мы хотим восстановить и утвердить Казачьи Конституции, — так же ясно и определенно говорит „В. К.“

— Подлецы, продажники, — раздается в ответ из рядов „П. К.“

Вместе с тем, г. Дьяконов-Васильев пишет: „Слава Богу, вся казачья масса (за исключением ничтожного числа реакционно-правых казачьих элементов Красноско-Граббе-Филимоновского толка) крепко держится и готова в достойном случае, вступить на основе их в новую борьбу с советской властью, повторив, таким образом, уже раз испытанный положительный опыт суверенного существования казачьих земель в период борьбы с большевиками“ (разбивка моя П. Б.).

Значит, идея о самостоятельном Казачьем Государстве сама по себе не преступна? Значит, „вся казачья масса крепко держится своих Конституций и готова за нее бороться“? Прекрасно. Мы то в этом никогда не сомневались. Но „П. К.“ как раз за такое убеждение „В. К.“, так жестоко нападает на него.

Стоило ли говорить так много страшных слов и столько страниц журнала исписывать, чтобы вслед самих же себя опровергать?

Но автор статьи, видимо придает принципиальное значение своим словам: „с советской властью“ — „в период борьбы с большевиками“, каковых дополнений,

по крайней мере в Донской Конституции нет. Но вместе с тем он готов бороться за казачьи права и против Красноско-Граббе-Филимоновской русской власти. Какой же это принцип? Настоящий и правдивый принцип один — бороться за казачьи права со всеми, кто на них будет посягать.

Радуясь, что вся казачья масса крепко держится своих Конституций и готова за них бороться, „П. К.“ тут же обрушивается на тех кто желает восстановления этой Конституции. Разберись тут! В чем дело? А дело, видите, как толкует „П. К.“, в том, что один из казачьих „деятелей“ с’ездил в Варшаву, другой — в Париж, а потому сама по себе прекрасная идея вдруг превратилась в свою полную противоположность.

Удивительно! Но ведь одновременно и г. Васильев-Дьяконов ездил в Латвию, Литву, а Харламов каждый год ездил в Париж, а теперь оба ездил в Берлин. Что же из этого? Разве ценность идеи сама по себе меняется от путешествия того или иного лица?

— Будем бороться со всеми врагами Казачества, будь то Московское Правительство или какое другое, — говорит „В. К.“

— Враги русского народа, наймиты, — вопят Васильевы-Дьяконовы.

Но в том же журнале „П. К.“ № 30—31 передовик, сурово осуждая б. Донского Атамана П. Н. Краснова, приводит его слова: „Если они (казаки) будут талдычить и упрямо, как индюки, болботать (язык то каков!): „на-родоправство, братство, равенство“ — никакая центральная власть их не потерпит“.

Меня совершенно не удивляют эти слова. В них ярко выражено подлинное, истинное отношение к Казачеству русского „патриота“, отстаивающего „единство“ Российской Империи и только! Тут Краснов, не как казак, а как русский патриот, по-солдатски прямолинейно, без тумана и философии, выразил действительное настроение русских общественно-политических деятелей.

И, казалось бы, русский патриот В. А. Харламов должен бы только радоваться этой прямолинейной защите Российских интересов. Но он с возмущением, противоречия всему своему писанию в „П. К.“, говорит: Потерпит или не потерпит — это всецело будет зависеть от самих казаков. Если они будут единодушны в отстаивании своих прав, как в случае с „мятежом“ Атамана Каледина, то конечно, они выйдут победителями“.

Победителем над кем? Конечно же, над Российским Правительством, как „в случае с „мятежом“ Атамана Каледина“. Новое доказательство, что борьба с Российским Правительством сама по себе не есть преступление.

Очень интересен вопрос об этом самом „мятеже“ Атамана Каледина. Теперь передовик „П. К.“ слово мятеж берет в кавычки. Но, ведь, с точки зрения „П. К.“ Каледин был действительно мятежником без кавычек, ибо этот журнал, противоречия своему передовику, объявляет, что все, кто не подчинится общепризнанному Российскому Правительству, суть преступники, предатели России.

Но ведь в августе 1917 года существовало общепризнанное Российское Правительство с А. Ф. Керенским во главе. Это Правительство объявило Атамана А. М. Каледина мятежником и потребовало его в Москву на суд. Каледин хотел ехать, но Войсковой Круг приказал ему не ехать („с Дона выдачи нет“) и Атаман подчинился приказу Круга.

Как же тут быть — мятежники ли Круг, приказавший Атаману не подчиняться общепризнанному Российскому Правительству, и Атаман, подчинившийся приказу Круга?

„П. К.“, согласно с „В. К.“, прямо отвечает на этот вопрос, что Круг и Атаман достойно защищали права и интересы Донского Казачества против посягательства на них общепризнанного Российского Правительства.

Отсюда снова новый вывод, что борьба с Российским Правительством за казачьи права и интересы сама по себе не есть преступление.

Весь вопрос, по мнению „П. К.“, сводится к тому, кто будет стоять во главе этого Правительства. Если большевики — надо бороться, если Красноско-Граббе-Филимонов с единомышленниками — надо бороться, если

Евразийцы — ату их, если Керенский и его единомышленники — не подчинятся, ну, а если эр-деки — то не смей пикнуть! Удивительная принципиальная позиция, поразительная „ясность“.

И это говорят и пишут серьезные люди, претендующие играть большую роль в общероссийском масштабе и быть руководителями Казачества.

Еще.

„В. К.“ желает в целях освобождения Родных Краев бороться доступными ему средствами и способами с Красной Армией, как боролись казаки и раньше.

— Не смейте, расчленители России, — говорит „П. К.“ и объясняет: „с нашей точки зрения, для интересов и освобождения России и сохранения ее целостности лучше желать укрепления Красной Армии, а не ослабления и разложения“.

В течении трех лет Казачество вело отчаянную борьбу с этой Красной Армией, как с врагом Российских интересов. А теперь „П. К.“ пишет: „единственная вооруженная сила, которая стоит на страже целостности русской земли — это Красная Армия. И чтобы она успешно выполнила эту свою задачу — охраны и защиты России — необходимо ее укрепление, а не ослабление и разложение, как думает ген. А. П. Богаевский“.

Вот „ясность“! С одной стороны мы радуемся желанию казачьей массы бороться с советской властью, а с другой стороны — мы все свои силы приложим к укреплению той же советской Красной Армии!

Доигрались! С каких это пор Красная Армия стала „единственной защитницей“ российских и казачьих интересов? Значит была напрасно пролита казачья кровь в борьбе с этой Красной Армией, „истинной защитницей русской земли“? Значит, Вы, нынешние руководители „П. К.“, тогда на положении вождей Казачества, зря призывали казаков к этой борьбе?

Какое циничное признание! Или скажете, тогда не было угрозы „расчленения“ России и в своей семье можно было позволить маленькую забаву и поиграться казачьей кровью?

Если бы господа из „П. К.“ заявили, что тогда мы, мол, ошибались и делали вредное для целостности России дело, это было бы понятно, честно и ясно. Но утверждать, что и тогда и теперь мы правы — невозможно.

В течение целого десятилетия неустанно утверждать и вбивать в сознание казачьей молодежи: Свободное Ка-

зачество, Вольное Казачество, Казаки — вольные люди, рабами никогда не были и не должны быть, „с Дона выдачи нет“, „Казаки — лучшие русские люди“ и т. д. и т. п., а когда учение начинает давать свои плоды, как страус прятать свою голову, провозглашать и повторять: „Я-не я и лошадь-не моя“.

Г. Дьяконов-Васильев торжественно и гордо заявляет, что он вместе с Керенским, Милуковым и Деникиным и пишет: „Мы не отрицаем своей солидарности в этом вопросе об армии с упомянутыми русскими патриотами“.

Мне кажется, что Каледин и Керенский не совместимы. Ктонибудь один из них: Каледин или Керенский. Г. Дьяконов-Васильев вместе с Керенским, как „с русским патриотом“. Мы предпочитаем быть с Донским Атаманом А. М. Калединым.

Еще одно признание Дьяконова-Васильева. Он согласен, вместе с Керенским, что всякая власть лучше большевицкой. Но тут же он со свойственной ему ловкостью рук, приводя подтасованные цитаты, уверяет читателей „П. К.“, что я сплю и во сне вижу иностранные интервенции и добиваюсь прихода этой „всёкой власти“ исключительно лишь ценой прихода извне „новых господ“.

Новая передержка г. Дьяконова-Васильева. Вот соответствующее место моей статьи: „Я, лично, готов освободить свой Родной Край даже при помощи чужих сил“...

Значит ли это, что я мечтаю и во сне вижу исключительно „приход извне „новых господ““?

Обвинив меня в „смертном грехе“ — желании освободить Родные Края даже при помощи чужой помощи, — Дьяконов-Васильев в конце своей статьи пишет: „Мы не отрицаем помощи извне. Больше того, мы думаем, что без нее русскому народу и казачеству в борьбе с советской властью и впредь не обойтись“.

Ишь, ловкий! Здорово!?

Одно жалко, что Дьяконов-Васильев, по свойственной ему привычке или в пылу увлечения, забыл, что странички печатного органа не есть темные закулисы.

Нет, не г. Дьяконову-Васильеву взывать: „Долой маску“, если ему самому, вследствие определенной известности казачеству своей физиономии, приходится надевать маску: прятаться под псевдонимом, скрываться под чужой фамилией.

Шамба Балинов.

Международная жизнь.

Литва и Польша в Лиге Наций.

50-ая сессия верховного совета Лиги Наций прошла под знаком польско-литовского спора.

На этом месте (см. № 2 „В. К.“ от 25. XII. 1927 г.) даны были элементы польско-литовских государственных отношений. Декабрьская сессия верховного Совета Лиги, казалось, нашла пути для разрешения, или по крайней мере, для смягчения длящихся трений между указанными странами. На этой сессии присутствовали ответственные представители Литвы и Польши: проф. Вольдемарас и маршал Пилсудский. Маршал поставил профессору короткий вопрос: мир или война? Профессор ответил перед лицом Верховного Совета: мир. Пожали друг другу руки, приняли предложение Совета начать непосредственные переговоры о регулировании элементарных добрососедских отношений, обещали представить все это к июньской сессии, — и из этого ничего не вышло. Переговоры после долгих проволочек, правда, состоялась. Тянулись они долго, принявши ползуучий характер; велись в Кенигсберге, Берлине и т. д. Стороны, казалось, пришли к некоторому соглашению, но когда, наконец, надо было подписать соответствующий протокол, Литва сделать это отказалась. И обе стороны яви-

лись на сессию Верховного Совета с пустыми руками. Произошло это потому, что и Литва и Польша заинтересованы не столько в урегулировании тех или иных государственных между ними отношений, сколько тем, чтобы так или иначе был наконец окончательно решен обоими сторонами известный вопрос о Вильне и виленской территории. Польша считает этот вопрос несуществующим. Она владеет указанной территорией и фактически и на основе решения высших международных учреждений в Европе, признаваемых и Литвою.

Литва не мирится с такой постановкой вопроса. Она считает виленскую территорию своею и подписание каких-либо договоров с Польшею для нее было бы равносильно отходу от Вильны. Для того, чтобы продемонстрировать это перед лицом всего света, проф. Вольдемарас в новую литовскую конституцию, недавно опубликованную, внес даже особый параграф, в котором город Вильна, находящийся сейчас в польских руках, объявлен столицею Литовской республики. В прежнее время подобная демонстрация была бы равносильна объявлению войны. В наше время, даже при желании, не так легко начинаются войны. Сражение, однако, произошло, но разыгралось оно не на литовских полях, а в зале заседаний Верховного Совета Лиги Наций. Это

было интересное зрелище, подробно описанное во всей европейской прессе. Вопросы о Вильне не касались никто, потому что Лига Наций в этом деле стоит безоговорочно на стороне Польши, а Литва может рассчитывать на открытую поддержку лишь одного государства, которое в Лигу не вошло, а именно СССР. Проф. Вольдемарасу пришлось бороться не с тем или иным польским представителем, а со всем Верховным Советом. И надо отдать ему справедливость, боролся он упорно и мужественно, хотя и хорошо зная, что на какой либо успех у него не было ни малейшей надежды. Против него выступили сначала докладчик по делу, голландский делегат, раздраженно заявивший, что ему собственно говоря, нечего докладывать. После него выступил английский министр иностранных дел (вызывавший перед тем проф. Вольдемараса в Лондон для усвоения), заявивший, что Литва, конечно, государство маленькое, но что слишком злоупотреблять этим фактом не следует. Английского министра поддержал французский делегат, известный социалист Поль Бонкур; за ним следовал японский делегат, напомнивший о том, что Япония тоже подписала Мемельский выгодный для Литвы договор, и т. д. Все эти угрозы и увещания не привели ни к чему, проф. Вольдемарас стоял на своем. Перешли к резолюциям. Министр Чемберлен от имени Англии вносит предложение обязать Литву и Польшу к сентябрьской сессии Верховного Совета прийти в своих переговорах к „значительным результатам.“ Проф. Вольдема-

рас противопоставил свою резолюцию, которая не налагает на Литву и Польшу никаких обязательств. Обе резолюции подвергаются голосованию. За резолюцию Чемберлена голосуют все, кроме Вольдемараса. За резолюцию Вольдемараса голосует он один. Обе резолюции отвергаются, потому что регулямин Верховного Совета в таких случаях требует единогласия. Безнадежное положение спасает Чемберлен, предлагающий новую резолюцию, которая по форме говорит лишь о порядке дня будущей сентябрьской сессии, а потому может быть принята и простым большинством. В этой резолюции говорится о том, что на осенней сессии польско-литовский спор будет поставлен в полном объеме. За эту резолюцию голосовали все, в том числе и проф. Вольдемарас.

Поведение проф. Вольдемараса заинтриговало и взволновало политические круги Европы. Что является движущей пружиной его упорства? Одним национальным чувством объяснить этого нельзя. Ибо чувство это, когда дело идет о государственном строительстве, мирится, хотя бы временно, с тем, что неизбежно. Единственное объяснение можно видеть в суетных надеждах, которые руководитель литовской политики возлагает на поддержку с востока. Ведь СССР, конечно не может и не захочет помириться с тем, что Литва устроивши свои отношения с Польшей, перестанет существовать для него, как великолепный военный плацдарм в наступлении на Польшу и балтийские лимитрофы.

Свой.

.....

В С. С. Р.

Иностранцы о большевиках.

Один из английских журналистов (Greenwall, в „Daily Express“), сделавший большую поездку по советскому Союзу, пишет о критической ситуации советской власти в настоящее время. Красная Россия, говорит корреспондент, корчится в наитяжелейшем кризисе какой только эта несчастная земля пережила за последние 10 лет. Этот кризис может достигнуть своей наивысшей точки в ближайшие месяцы, если урожай этого года будет плохой, если же он будет хороший, кризис может затянуться еще год, но этот конец категорически неизбежен. Крах наступил. Коммунизм в России будет вынужден или признаться в своем поражении, или совершенно изменить свою политику. Это мое убеждение, которое сложилось у меня после объезда России. Я был в Москве и Петрограде, проехал украинскими степями и был там, где крестьяне причиняют большевикам наибольшие затруднения. Английский журналист подчеркивает недостаток денег в СССР. Большевики прибегают к принудительным займам. Неофициально один английский фунт стоит 15 р. вместо 10. Советы упорно воюют сейчас с „кулаками“, которые до сего платят 62% всех налогов. Воюют точно также и с частными предприятиями. В течение последних месяцев в Москве было закрыто 4000 частных торгов. предприятий из общего числа 11000. За год (от октября 1926 по октябрь 27) закрыто всего 103000 частных предприятий. В апреле в Москве были закрыты 4 частных банка.

Крестьяне жалуются на недостаток товаров. Товаров мало и очень дорогие. Власть дает все, чтобы поставить преграду между селом и городом, опасаясь, чтобы крестьяне не продавали хлеба спекулянтам. Тысячи крестьян сидят в тюрьмах. Их наделы конфискуются. Были случаи казни крестьян.

Разрыв дипломатических сношений с Англией способствовал росту противоанглийской пропаганды и росту советского воздушного флота. Большевики держат под ружьем большую армию. Населению говорится, что армия эта нужна для отражения неприятеля, в действительности нужна сна большевикам для борьбы с врагом внутренним.

Растет безработица. Население, боясь приближения голода, бежит из деревни в город. Города растут.

Одесский порт замер.

Растроенная и дезорганизованная русская земля, заканчивает свою статью корреспондент, напоминает мне бесконечный кинематограф, созданный большим галлюцинациями режиссером. Фильм обставлен блестяще, эффекты поразительные... Что будет с этим государством, в котором нет порядка? Что будет со страной, в которой убийство наказывается несколькими годами тюрьмы, а оскорбление государственной власти — пожизненным заключением или смертью?..

Другой тоже английский журналист, анализируя положение в Сов. России, приходит к следующим заключениям:

1. Коммунистическая партия в России раскололась на два крыла; этим та сила, которая держит в повиновении русский народ, ослабела на половину.

2. Большевики утратили свою притягательную силу для русских идеалистов, как и для коммунистических идеалистов других стран, когда обнаружилась обратная сторона медали советской системы.

3. Обнаружилась дезорганизация ГПУ, которое было уличено в саботаже разных „предприятий“ советской власти.

4. Существование сталинского режима угрожено большим числом служащих, которые перешли на сторону к партии только для виду, далее — глубоким разочарованием промышленных рабочих, растущей безработицей, как и неудачей попытки вызвать мировую революцию.

Рижский корреспондент американской газеты „Чикаго Трибюн“ сообщает, что московские большевики в последнее время очень беспокоены ростом сепаратистического движения на Украине.

Как во время предшествующих конфликтов Сов. России с Англией сов. власть все свои неудачи объясняла „интригами“ Лондона, так и развитие сепаратистического движения на Украине она приписывает влиянию Англии и Польши.

По окончании донецкого процесса, большевики будто бы намерены для дискредитации украинского движения создать новый „сенсационный“ процесс о „польских шпионах“.

— Провалятся и здесь, как провалились на процессе Донбасском. Национальные движения искусственно, а тем более „интригами“ не создаются.

Казачья эмиграция.

Донской атаман в С.-Х.-С.

Приезд Донского атамана Богаевского вызвал большой интерес во всей казачьей массе, находящейся в Сербии.

К атаману был вызван г. Филимонов и атаман Белградской имени пок. Митрофана Петровича Богаевского донской станицы, ему же было поручено вызвать на 17 июня в Белград всех атаманов станиц из провинции, что он и сделал. В указанное время все атаманы прибыть не могли, в виду дальнего расстояния от Белграда, а ближе лежащие к Белграду станицы выслали своих атаманов, так, например, атаман Црепайской станицы, генерал Н. С. Рудаков, и атаман Чуприйской станицы прибыли на званую беседу в субботу 16 июня и остались в ожидании атамана и на 17 июня на станичный сбор имени пок. М. П. Богаевского Белградской казачьей донской станицы.

В назначенное время, т. е. 17 июня, Донской атаман не прибыл на сбор, а известил, что якобы он задержался в Донском корпусе в городе Горажде. Собравшиеся станичники много огорчены этим обстоятельством, а еще больше огорчены были приехавшие атаманы из провинции.

Г. А.

Атаманы в Новом Саду.

17 сего июня в Новом Саду состоялось собеседование В. Атаманов ДКТ. с казаками Новосадской имени Кошового Отамана Чепиги станицы и ставропольцами, примыкающими к ней.

Из Белграда были приглашены на эту беседу атаман Кубанской станицы П. И. Курганский и представители журнала „Вольное Казачество — Вильне Козацтво“: П. Поляков и Б. Кундрюков и др.

На собеседовании не было „чужих“ и, таким образом, казаки могли откровенно, по душам, поговорить с Атаманами.

Вначале последовала обычная атаманская информация о жизни казаков за рубежом и в родных краях, далее следовало уверение о неизменности взятого ОСДКТ направления на „волю“ русского народа, с изъяснением готовности служить и монархии и республике; говорилось о незнании срока возвращения домой и высказывалась вера в падение большевицкого режима и грядущее освобождение и возрождение великой России, в которой казачеству будет отведено надлежащее почетное место — вот смысл атаманских речей.

После этого, некоторые казаки, начиная ген. Павличенко, задавали вопросы: с кем и за кем намерены В. Атаманы вести Казачество, ведется ли работа по возвращению домой и др. Потом казаки говорили о необходимости казакам ориентироваться только на себя, т. е. никаких других активных сил за рубежом уже не существует, говорили, что с быв. „вождями“ казакам не по пути и т. д. Не называя „В. К.“, вертелись вокруг да около его идей.

В конце собеседования получили слово для приветствия П. И. Курганский и представители журнала „В. К.“, которые призывали казаков забыть о широкой Московской дороге, по которой возились казаки Атаманы на Лобное место и вывозилось всякое добро на прокормление и украшение Москвы.

В течение всего собеседования Атаманы ни один раз не выступили против „В. К.“, что тогда же обра-

тило на это обстоятельство внимание многих казаков. Атаманы поблагодарили казаков за откровенность и собеседование на этом закончилось.

Вечером, во время ужина, вновь было много речей, пожеланий и утверждений, что сила Казачества в нем самом, что казакам нужно думать прежде всего об освобождении своих родных Краев. Снова выступали „вольные казаки“, читали свои стихотворения из журнала „В. К.“, чем заслужили шумные овации и приобрели всеобщую симпатию. Таким образом, на этот раз в присутствии Атаманов, без возражений с чьей бы то стороны, идеи „В. К.“ живым словом бросались в казачьи ряды и делали свое святое дело.

Многие казаки потом облегченно и удовлетворенно говорили, что между В. Атаманами и казаками начинается устанавливаться взаимопонимание...

В ОСДКТ.

18 сего июня состоялось заседание Об'единенного Совета Дона, Кубани и Терека.

После этого, Донской Атаман в помещении кубанской канцелярии беседовал с несколькими представителями общеказачьей студенческой станицы, где заявил, что Атаманы не преуказывают, что должно быть в России и Казачьих Областях, и что если Казаки сумеют добиться самостоятельности, то они и против этого ничего иметь не будут.

Письмо в редакцию.

Милостивый Государь

Господин Редактор,

В № 13 редактируемого Вами журнала „Вольное Казачество“—„Вильне Козацтво“, в отделе Казачья эмиграция — помещена заметка, излагающая заявление В. А. Харламова в заседании уполномоченных О. К. С. Х. С. по поводу моего участия в юбилейном чествовании Председателя Земледельческой Едноты деп. Прокупка.

Ввиду искажения действительности, допущенного в данном заявлении, прошу Вас на основании закона о печати дать место следующему раз'яснению:

Г-н Харламов, действительно, обращался ко мне по телефону с запросом, будет ли поднесен адрес юбиляру Прокупку от организации, представителем которой я являюсь. Я ответил, что не будет. И никакого адреса в действительности поднесено не было, а между тем по заметке получается совсем другая картина: „чтение адреса особой делегацией при участии моем и В. И. Немирович-Данченко.“ На самом деле делегации не было. А просто В. И. Немирович-Данченко, по поручению ряда русских организаций и, в том числе от Русской Земледельческой группы, сказал юбиляру несколько приветственных слов. Г. Харламов заявляет, что он был на этом чествовании. Поэтому представляется крайне странным, как мог он допустить такое искажение действительности, особенно после заявления о необходимости вести „открытую, честную политику“.

Примите и пр.

Г. Долгопятов.

Прага, 16 июня, 1928.

На Украине.

Большевики и автокефальная церковь.

Повышенное внимание обратила сейчас советская пресса на деятельность национальной украинской церкви и религиозное движение на Украине, рост которого

сильно волнует большевиков. Советские газеты полны доносов на представителей духовенства и вообще на всех религиозных людей. Так в Харькове недавно состоялся Украинский Церковный Собор, из которого со всей Украины съехались делегаты от духовенства и при-

хожан. Большевики противопоставили ему одновременный съезд безбожников, но из этого ничего не вышло. К безбожникам никто не пошел, съезд их завял и расплылся. Между тем Церковный Съезд завладел всеобщим вниманием.

„Улицы Харькова, пишет „Комсом. Пр.“, — напоминают Киев старого времени, когда съезжались на паломничество в лавру сотни представителей духовенства.

Съезд поставил вопросы о расширении сети союза „братъев и сестер“, об организации приходских школ молодежи, о понижении возрастного ценза для вступления в церковную общину до 18 лет и постановил ходатайствовать перед властью о разрешении преподавать в школах Закон Божий. Число священнослужителей заметно растет.“

„Церковники — жалуется сотрудник „Труда“, мобилизовав все свои ресурсы, ведут широкое наступление по всему фронту.

В 1926 году на Украине выходило шесть церковных журналов, теперь их насчитывается одиннадцать с общим тиражем в 33.000 экз. В последнее время церковники издали 77 книг и брошюр в количестве 3.849.000 экз. Из заграницы прибывают огромными партиями молитвенники, религиозные книжки и брошюры. По данным Главлита, на Украину ввезен миллион экземпляров таких изданий.“

Этим, однако, не исчерпываются „преступления“ украинского религиозного движения. Украинцы осмелились даже восстать, — правда, в очень скромном виде, — историческую Киевскую Духовную Академию.

„В середине, — пишет „Правда“, — левого корпуса Киево-Печерской лавры висит скромная, едва заметная вывеска: „Українська Вища Богословська Школа“.

В Богословской школе учатся пока 50 студентов.

В Казачьих Землях.

Хлебозаготовка продолжается!

Большевицкий грабеж на Кубани не ослабевает ни на минуту. Репрессии, какие применялись в январе и феврале (были случаи повешения в полицейском участке), с новой силой обрушились на хлеборобов. Ненасытная московская большевицкая тля не хочет оставить ни одного фунта ни зерна, ни муки у, уже ограбленных до крайности, производителей хлеба.

Все случайности, даже стихийного характера, большевики используют для целей своего грабежа. Сгорела ст. Анастасиевская. Разгребая золу на ее пепелищах, большевики обнаружили там следы сгоревшего зерна и сейчас же затрубили во все трубы: „Еще есть зерно у населения! Усилить нажим на кулаков!“

Свой грабеж б-ки называют „закупкой“. „Закупка“ эта производится хождением по дворам комиссий в составе представителей от разных большевицких учреждений и организаций, при непременно, в большинстве случаев, участии агентов ГПУ, при чем все эти „закупщики“ входят во дворы не с деньгами, а с свердлами, топорами, зондами, с штыками и прочим „инвентарем“, необходимым для прощупывания почвы, стен, скирд и стогов сена, тюфяков, подушек и т. д. Часто такие „экспедиции“ ходят под видом милицейских или ГПУовских отрядов по конфискации самогонных аппаратов.

Всем, кто знает климатические условия Северного Кавказа, известно, что ни хорошие всходы (а в этом году они особенно плохи!), ни даже хорошее цветение хлебов еще не гарантирует хорошего урожая. Могут прийти восточные горячие ветры и свести урожай на нет. Поэтому хлеборобы, напр. на Кубани, при расчете своих хлебных запасов, излишками считают то, что окажется в закромах к моменту нового урожая.

Не так исчисляют излишки б-ки. Они их определяют не по фактическому положению вещей, а по теоретическим предположениям своих хозяйственников т. е. в начале сельско-хозяйственного года, а не в конце. Как это исчисление излишков происходит и как о их

сейчас действуют только два курса — подготовительный и первый. На эти курсы, как и вообще в Богословскую школу, принимаются студенты не меньше чем со средним образованием, и если они не имеют специального духовного образования, то должны сначала проходить подготовительное отделение. При лавре для студентов имеется общежитие и стол. Школу обслуживают 15 профессоров богословия.

Сейчас в Богословской школе экзамены. Вокруг приехавших „студентов“ из провинции собрались группой священнослужители и спрашивают деревенских о делах.

— В последние годы мы определенно видим, что вера растет и население возвращается в лоно церкви. Это всех нас радует, и мы часто делимся по этому поводу нашими замечаниями. Дьякон рассказывает о том, что в Одесском округе одно из сел собрало 100 тысяч рублей на постройку храма, другое около 30 тысяч на ремонт. А вот страховые взносы в этом селе в Госстрах не внесли.“

Большевики бьют тревогу, а соотв. доносы из прессы перешли уже и на партийные съезды. Так, на комсомольском съезде киевский большевицкий делегат уверял испуганных слушателей, что украинская автокефальная церковь представляет явную антисоветскую организацию, а ее новые молитвы говорят о необходимости „освобождения угнетенного украинского народа.“ Впрочем, по мысли комсомольского делегата „антисоветским направлением“ пропитаны все, даже государственные учреждения. Так, по его словам, „государственное издательство Украины“ выпускает в свет книжки, в которых юноши призываются „взять оружие и смыть пятно позора кровью предателей.“ Этими „предателями“ киевский делегат правильно считает себя и своих товарищей по комсомолу и по коммунистической партии.

количестве узнают б-ки лучше всего видно из речи секретаря кубанской филиалки В. К. П. (б). Он, когда в начале апреля прекратилось поступление зерна в государственные склады (по всем признакам по причине полной вычерпанности запасов), заявил, что по плану, составленному в прошлом году, у кубанского населения должно быть X пудов хлеба, закуплено же только У пудов, значит, у населения еще есть излишки. И отдал приказ к новой атаке на кубанского хлебороба.

Известно, что хлеборобские семьи Кубани, Дона и Терка многочисленны, не редкость семьи в 10—12 человек, в среднем же свыше 5 человек. И вот у таких то семей обнаруживают скрытыми десятки пудов зерна или муки. И за это ст. 107-я в арсенале которой — тюремное заключение на многие месяцы, тысячные штрафы, конфискация имущества, потеря гражданских прав, выселения в места не столь отдаленные и т. д., и т. д.

Что творилось в наших Землях в последние недели весны, как население боролось и борется со своими грабителями, кто укрыватели излишков зерна пусть нам об этом расскажут сами б-ки. Берем из одной из Северо-Кавказских газет несколько примеров за время от 25 мая до 2 июня с. г., т. е. за одну неделю.

Ст. Кирпильская. Хитрые кулаки в ст. Кирпильской! Куда только не прячут излишков хлеба: и в печках, комодах, гардеробах, кроватях, вместо тюфяков и подушек. Напр., известный кулак Саньков Филипп спрянул у себя в доме в таких похоронках 75 п. муки; Примин Иван — под полом в доме 2 чувала муки; Воликов Степан (сам пролез в члены стансовета) муки запрятал 7 чувалов в одной из кладовых сарая, дверь которой искусственно замуровал досками.

Ст. Ново-Джерелиевская. Местный кулак Андруха, не желая продать государству хлеб, замуровал в стенах постройки озимую пшеницу. За это советским судом приговорен к лишению свободы сроком на 1 год и к штрафу в 1000 руб. Кулак Шостак той же станицы

смешал с половой 115 п. 15 ф. пшеницы. Приговорен к лишению свободы на 1 месяц и 500 руб. штрафу.

Ст. Батуриискская. Комсомолец Пилипенко скрыл 30 пуд. пшеницы и 20 пудов муки. Исключен из комсомола по постановлению Брюховецкого райкома без права вступления.

Ст. Ольгинская. Халатно относятся к работе хлебозаготовители ст. Ольгинской. За время с 11 по 20 мая за 10 дней ими побит рекорд: ничего нет.

Ст. Старо-Величковская. Активный член стансовета Запорожец Еф. Иван. исключен из членов совета и судом приговорен на 6 мес. лишения свободы, за халатное отношение к хлебозаготовкам.

Усть-Лабинский район. Кулак в беседе с закупочной комиссией о хлебозаготовках и продаже излишков, продать таковые отказался и ушел, показав на прощание стансоветчикам плотную самодвольную „дулю“. Стансоветчики „дулю“ скушали молча. Кулак, видимо, забыл январские и февральские уроки.

Хут. Гречаный. У Колесниченко Т. М. за укрывательство излишков хлеба зерна конфисковано 2 трактора „Фордзона“ и две молотилки в достояние Республики.

Ст. Переяславская. С 1 мая по 13 мая сельсовет не заготовил ни одного фунта зерна и муки на госнужды, а сама эта станица — крупнейшая в районе по экономической мощности.

Ст. Сергиевская. Снимается с поста предстансовета Черный за халатное отношение к хлебозаготовке.

Ст. Калниболотская. Передается пролетарскому суду „скромная“ вдова Нелинова, Евдокия Яковлевна за укрывательство хлебных запасов. По словам станичников, сын ее проживает за границей в чине подесаула, он сбегал вместе с белыми генералами.

Хут. им. Шевченко. Злостные укрыватели: Дикий, Ив. Кузьмич — зарыл в огороде 7 чувалов муки и уже над ней взшел лук, который вырос в $\frac{1}{2}$ аршина. Кроме того 2 чувала было зарыто на пустом плане. Максимец — сорвал пол в хате, засыпал туда 50 пуд. хлеба и обратно забил его. Колита Яков — закопал в землю пшеницу. Судом приговорены к выселению из хутора.

Ст. Троицкая. Георгий Георгиевич Крамарь укрыв 180 пуд. зерна и муки. Способ укрывательства: часть хлеба закопана в винных бочках под виноградными кустами, часть, тоже в бочках, лежала между пустыми бочками. Кроме того в плавне на лодке были найдены 3 чувала муки. Крамарь предан суду.

Ст. Старо-Величковская. Снят с работы и отдается под суд председатель правления ЕПО Кива Анисим за то, что посодействовал своему отцу скрыть в соломе 60 пуд. хлеба.

Ст. Переяславская. Выездная сессия народного суда 24 участка приговорила г. Кулибабу Григория к лишению свободы сроком на 1 год, выселению из Кубанского округа на 2 года и конфискации имущества на 1062 руб. за злостное укрывательство хлеба.

Ко всем этим образцам советского грабежа и правосудия необходимо для большей ясности всей картины, прибавить маленькое пояснение слова „кулак“.

Слово это русское, у нас не употреблявшееся. Им назывался обыкновенно наиболее богатый обитатель села, от которого экономически зависели многие более бедные обитатели. В слово это, значит, вкладывалось содержание характера экономического. Большевики же в таком смысле понятие „кулак“ редко употребляют. Не хозяйственная мощь гражданина у б-ков дает кличку „кулак“, а его отношение к советской власти. Так, если человек, имеющий 50 пуд. „излишков“, не отдает их с энтузиазмом совласти — квалифицируется как кулак, тот же, кто из своего десятитысячного хозяйства с „подъемом“ отвезет на государственный склад две-три сотни пудов зерна — „герой труда“ и его фотографии, не в пример прочим, украшают страницы советских периодических и непериодических изданий.

Вот примеры того, кого б-ки не считают кулаками: гр. Колесников внес 500 рублей облигаций крестьянского займа (за наличный расчет, вывез 700 пуд. малянки, не считая другого зерна и конечно же уплатил более 1000 руб. налога, так как „самообложение“ ис-

числяется в 30—100% окладного листа. Другой гражданин ст. Платнировской уплатил свыше 500 руб. налога, более, чем на 400 руб. купил облигаций, до 1000 руб. одновременно внес по самообложению... Такие отчисления сделать могут, очевидно, только люди весьма богатые, а не те, кто дрожит над 20 пудами зерна. И это не кулаки, это герои, их фотографии в газетах, как „героев труда“.

А тот, кто, обремененный многочисленной семьей, прячет от большевических ищеек 7 пудов 28 фунтов муки у себя на хуторе в ульях (ст. Брюховецкая), тот помещается на черной доске с такими язвительными замечаниями советских борзонищцев: „Хорошие пчелы у кулака Рудя! Скоро аттестацию их хозяину даст народный суд.“

Б. Е.

Из письма с Дона.

Дорогой ты наш, атаман! Теперь бы тебя хоть поглядеть... Мы тут живем хорошо. Я за дочку принял зятя. Они ушли с двора — это у нас ничего.

Дом продал, живу с старухой в кухнешке, это чтобы не быть богатому. У нас всего много есть. Потребилка на хвост... там всего много: гвоздей, лопат, ламп, а ты, дорогой, пришли мне хоть небольшой клочок материалу, я сошью кисет, а то не в чем носить табак...

Желаю Вам всем быть здоровыми.

Как питаются дети в советских школах.

Этот интересный вопрос изучала особая комиссия городского совета гор. Ростова, выбравшая для своего обследования десять самых больших школ Ростова и Нахичевани.

Обследование показало малоутешительную картину.

Буфеты при школах не дают школьникам питательных продуктов — кефира, молока, яиц и т. д. Детей личкают, главным образом, бубликами, ирисками, леденцами, конфетами. Бублик с леденцом — наиболее ходкий товар.

Качество питания ниже среднего, а в школе №3 отвратительно, как говорит акт комиссии. Бублики, булочки, бутерброды иногда бывают двух-трехдневной давности.

В общем, в школах питается около 40 проц. всех учащихся. С горячими завтраками дело обстоит совсем плохо. В школах №№ 6, 3, 8, 7 вовсе нельзя получить горячих завтраков, в остальных получают немногие.

Бесплатное питание в некоторых школах вовсе отсутствует, в остальных бесплатно питаются не более 1-го проц. всех питающихся школьников.

Продукты в буфетах не прикрываются, в одной из школ буфет находится рядом... с уборной — инвентаря нет. Завтракают стоя или по 5—10 человек на одном стуле, (на коленях друг у друга). В школе № 7 на 700 питающихся школьников... один стол размера в $\frac{1}{2}$ квадрат. аршина.

Все буфеты работают на хозяйствен. расчете, с прибылью.

Часть буфетов содержится коммунист. садами.

(Молот).

За две недели.

Состояние урожая. Озимые посевы значительно пострадали в течение зимы, вследствие неблагоприятных условий зимования — недостаточности снежного покрова, частых колебаний температуры и сильных ветров — дали в текущем году повышенный процент гибели культур. Общий размер погибшей площади исчисляется, на основании окружных экспортных комиссий, в 841,9 тыс. десятин, что составляет 26,9 проц. всей засеянной озимыми площади. Общее состояние посевов определяется, как удовлетворительное — для яровых посевов и пониженное для озимых.

В последнее время в связи с теплыми дождями, прошедшими по Краю, состояние посевов несколько улучшилось.

— Блиаится уборка урожая, но по собранным сведениям в Крае обстоит неблагоприятно с ремонтом с.-х. машин, особенно молотилок. На местах еще не начата и не ведется работа по организации населения в коллективы по использованию сельско-хозяйственных машин в уборочной работе, т. к. советские работники воочию убедились, что население им не верит и избегает всяких творений советского коллективно-го труда.

Места требуют сельско-хозяйственных уборочных машин, а им присылают плуги, бороны.

Сельско-хозяйственный инвентарь не приведен в готовность и, если большевики во время не сманеврируют, то они не получают ожидаемого эффекта от уборочной кампании урожая.

Опять экспорт с Юга. В связи с катастрофическим положением в хлебозаготовительной кампании и медленного роста сельско-хозяйственного экспорта, советы обращают сугубое внимание на другие, второстепенные, статьи заграничного вывоза.

Предполагается наладить экспорт мяса, сухих фруктов, меда и пр.

Совет Труда и Обороны предписал всем местным органам втянуться, как можно в большей мере, в роль по заготовке второстепенного экспорта.

Очереди на продовольственные продукты и промышленные товары, на хлеб, на молоко и т. п. сейчас обычное явление даже для такого хлебного центра, как Екатеринодар. Для того, чтобы получить полуторафунтовую порцию хлеба, приходится становиться с вечера в очередь, простоять всю ночь и даже следующий полдня. Часто очереди достигают 600—700 человек, в большинстве женщин с детьми, иногда захвативших с собою тюфяки и подушки.

Пожары. В последнее время вновь в Крае участились случаи пожаров и крушения поездов. 22 мая вечером в Зимовниках по неизвестным причинам вспых-

нул пожар на электростанции. Население не могло потушить его из-за отсутствия противопожарных средств. Пожарные прибыли только к концу.

24 мая в Екатеринодаре возник пожар на заводе „Красный“, сгорели отделения: деревообделочное и машинное. Убытки исчисляются в 70.000. Срочно начато следствие. Недавно завод „Красный“ уже горел. Это второй пожар.

В ночь на 17 мая вблизи Армавира, на перегоне Кубанская—Коцебу произошло крушение товарного поезда.

На месте события огромная груда изуродованных цистерн, чугунных рам, платформ, колес, осей. Двойной путь взрыт и загроможден. Все вокруг залито керосином, бензином, нефтью, содержащимися в 21 разбитой цистерне. Убито 2, ранено 3. Сообщение удалось восстановить только через двое суток.

На повышение процента выхода из партии членов (по Сев. Кавк.) центром обращено особое внимание. Предписано изучить причины добровольного выхода из партии и приложить все усилия к тому, чтобы вернуть обратно лучшую часть вышедших.

Отмечая причины выхода из партии, Краевой Исп. Комитет обращает особенное внимание центра на специфические трудности условий работы на Северном Кавказе, даже при большом партийном аппарате было бы трудно работать.“ (Извест.).

Дезертирство советских работников. „В то время, как сведения с Кубани свидетельствуют о попытках наступления кулака, о ряде издевательств, творимых им над сельскими и ячеековыми работниками, местные работники не смогли обеспечить более или менее удовлетворительной работы. Кубань, таким образом, должна быть взята под обстрел партийного и советского общественного мнения.“ (Изв. 2037). Сведения, поступающие с Кубани, позволяют утверждать, что демобилизованные и ликвидаторские настроения захватили многих и многих работников. Наблюдаются факты прямого дезертирства работников станичных и сельских советов, стремящихся уходить в отпуск и т. д.

Во избежание перерыва в получении журнала всех подписчиков, срок подписки которых к настоящему времени истек, просят подписку возобновить в ближайший срок.

Розыски.

Казака станицы Ивановской Таман. отд., **Феодора Кириловича Финяка**, разыскивает студент **Ф. Г. Бигдай**.
Адрес: Tchécoslovaquie Lázně-Poděbrady, Zámek I/I u p. Procházky.

Казака станицы Усть-Белокалитвенской (студента)

Ивана Пантелеймоновича Егорова или лиц, знающих его местопребывание, друзья просят сообщить адрес в редакцию „Вольного Казачества“.

АДРЕС Полковника **Закрепы Бориса Ивановича**, проживающего в г. Бордо просит сообщить в редакцию „В. К.“ **С. ФЕДОРОВ**.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

журнала „Вольное Казачество —

Вільне Козацтво“

В ЮГОСЛАВИИ:

ПАВЕЛ ПОЛЯКОВ, Студеничка, 17, Белград.

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et Cie, Editeurs, 13, Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-русско-украинский книжный магазин
F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

Открыта подписка
на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество“

Вільне Козацтво“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

КОНТОРА: Praha - Žižkov, Jagellonská 24, Tchecoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже:

В Ч. С. Р.	3 кр.	В Болгарии	10 лева
В Польше	0.75 зл.	Во Франции	2 фр. 50с.
В Югославии	5 дин.	В других странах	15 ам. ц.

СЛАВЯНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

при

knihtiskárně

FRANTIŠEK VONKA

Praha-Smíchov, Duškova u. č. 11. Tel. 405-2-1 Tchecoslovaquie.

Всякого рода типографские работы

выполняются дешево и аккуратно

на всех славянских языках.